

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЕНА COVID-19

АПРЕЛЬ 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Рубен Ениколопов	
Новый коронавирус и экономика	11
Олег Ицхоки	
Кого и как должно поддерживать государство в условиях экономического кризиса, вызванного коронавирусом?	16
Наталья Волчкова	
Монетарная политика во время карантина	23
Константин Егоров	
Внутренняя миграция и вирус COVID-19	26
Татьяна Михайлова, Микеле Валсеки	
Ценность статистической жизни и борьба с эпидемией коронавируса	34
Сергей Гуриев	
Безусловные трансферы – ответ на экономический кризис 2020	39
Константин Сонин	
COVID-19 и гендерное неравенство	43
Ольга Кузьмина	
Коронавирус: взгляд на российско-китайские отношения сквозь призму политических заявлений	48
Шломо Вебер	
Падение цен на нефть, реальный обменный курс и голландская болезнь наоборот: окно возможностей для России	52
Герхард Тевс	
Любовь (и дискриминация) во время COVID-19	60
Дуглас Кэмпбелл	

ВВЕДЕНИЕ

Рубен Ениколопов

Ректор
Российской экономической школы

Пандемия коронавируса COVID-19 стала неожиданным и серьезным шоком для большинства мировых стран. Несмотря на то, что изначально этот кризис спровоцирован медицинскими эпидемиологическими проблемами, его развитие имеет важный экономический аспект, так как вводимые для борьбы с вирусом меры несут крайне высокие экономические издержки. Именно поэтому, не претендуя на наличие экспертизы в области медицины и эпидемиологии, мы предлагаем в данном сборнике мнения экономистов относительно экономических аспектов текущего кризиса.

На данный момент уровень неопределенности, связанный как с медицинскими аспектами пандемии, так и с экономическими последствиями, крайне высок. Так, мы все еще имеем лишь очень грубые оценки смертности от COVID-19 и общего количества людей, переболевших (часто бессимптомно) этим вирусом. В том, что касается оценки экономических издержек текущего кризиса, также имеется широкий разброс мнений, поскольку его природа существенно отличается от природы экономических кризисов, которые мы наблюдали в последние несколько десятков лет. Тем не менее,

именно в такой ситуации высокой неопределенности структурированное обсуждение возможных вариантов развития событий и последствий от различных принимаемых мер становится особенно важным.

Борьба с коронавирусом – медицинская и экономическая проблема

Необходимость нефармакологических мер по сдерживанию распространения вируса (таких как карантин, социальное дистанцирование, закрытие школ, запрет на массовые мероприятия и т.п.), с точки зрения спасения человеческих жизней, связана, прежде всего, с тем, что возможности системы здравоохранения ограничены. Смертность резко увеличивается, когда количество заболевших превышает возможности системы здравоохранения. Замедление скорости распространения вируса уменьшает количество больных, требующих экстренной медицинской помощи в любой момент времени, и позволяет медицинской системе справиться с возникшей нагрузкой. Это приводит к снижению смертности даже в том случае, если оно не уменьшает общего количества заболевших. Таким образом,

основной целью введения мер по сдерживанию распространения вируса является так называемое «сглаживание кривой» заболеваемости – уменьшение количества заболевших в каждый отдельный день, а не общего количество заболевших за все время. И чем более жесткие меры по социальному дистанцированию вводятся, тем сильнее сглаживается эта кривая. В случае с COVID-19 относительно высокий коэффициент заражения и высокая доля заболевших, требующих экстренной госпитализации,

приводит к тому, что с точки зрения снижения смертности оптимальными являются жесткие меры по сдерживанию распространения вируса (Ferguson et al. 2020).

Однако оборотной стороной введения таких мер являются экономические издержки, связанные с сокращением экономической активности. Причем, чем более жесткими оказываются меры по сдерживанию распространения вируса, тем выше экономические издержки (Рисунок 1 иллюстрирует эти соображения).

Медицинские и экономические последствия сглаживания кривой заболеваемости

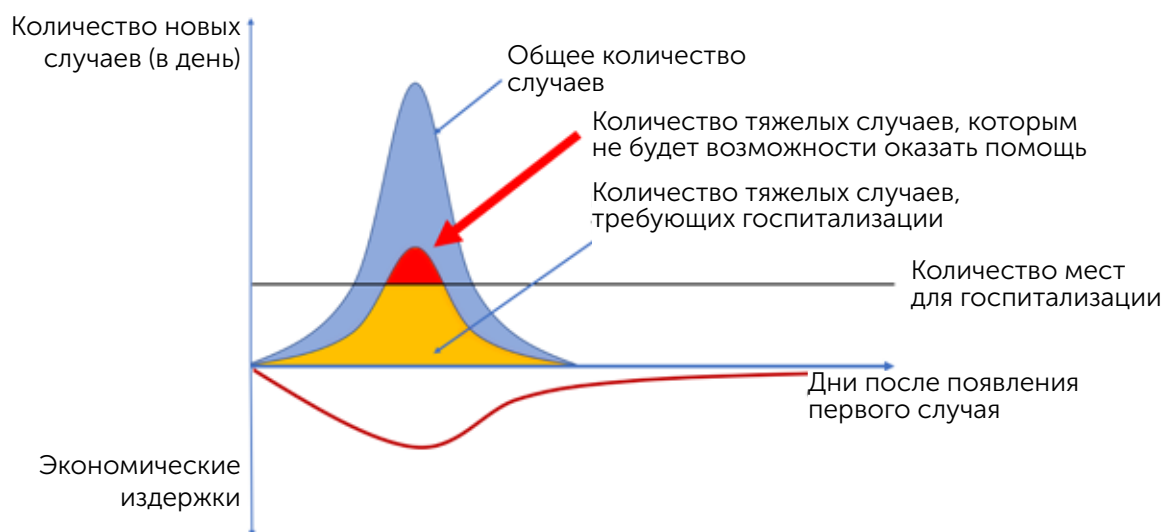
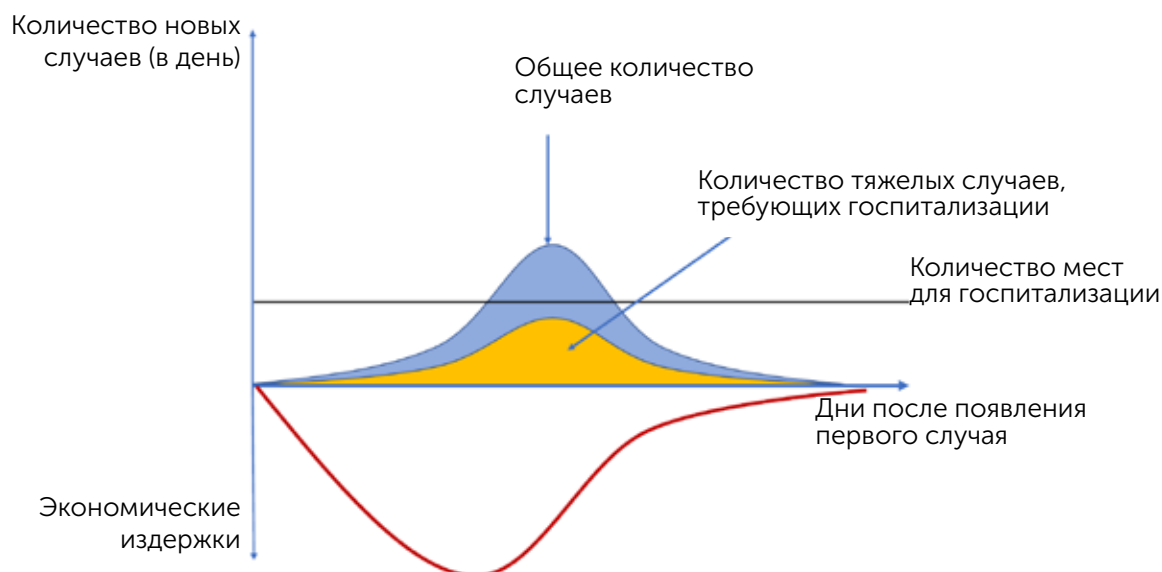

Рисунок 1

Причиной этого является как падение производства, так и падение спроса. Производство снижается как из-за того, что часть компаний вынуждены либо частично, либо полностью остановить свою работу вследствие вводимых ограничений, так и из-за нарушения производственных цепочек. К сокращению же спроса со стороны населения приводит и падение доходов, и рост неопределенности (как в плане развития эпидемии, так и в плане принимаемых государственных мер). Одновременно сокращаются инвестиции со стороны компаний из-за возникающих проблем с ликвидностью и из-за того же самого роста неопределенности. При этом падение спроса и производства подпитывают друг друга, увеличивая масштабы кризиса. Государство может не допустить раскручивания этой нисходящей спирали за счет активного вмешательства через масштабные бюджетные и денежно-кредитные интервенции. Тогда кризис будет иметь V-образную форму с достаточно быстрым восстановлением после отмены ограничительных мер. В противном случае, особенно если кризис приведет к серьезным проблемам в финансовом секторе, он может принять L-образную форму и превратиться в затяжную депрессию.

При оценке эффектов от введения нефармакологических мер по сдерживанию распространения вируса крайне важно понимать, что обратной стороной жестких мер на раннем этапе является снижение доли населения с приобретенным иммунитетом к данному вирусу, что увеличивает риски возникновения второй волны распространения болезни (Ferguson et al. 2020). При этом, как и в случае с «испанкой» в начале XX века, вторая волна может нанести еще больший урон, чем первая. Именно поэтому надо понимать, что вводимые в данный момент практически во всех странах мира меры не решают проблему полностью, но дают дополнительное время, которое должно быть использовано для наращива-

ния возможностей системы здравоохранения, разработки лекарств, вакцин, тестов, систем отслеживания перемещения зараженных людей и других медицинских и эпидемиологических методов, которые позволяют предотвратить появление или минимизировать последствия второй волны.

Исследования по связи между эпидемиями и экономикой

До начала пандемии COVID-19 существовало лишь небольшое количество исследований, которые изучали вопросы, связанные с экономическими аспектами распространения эпидемий. Одной из наиболее заметных работ было исследование по менее опасным вирусам (таким как грипп, гастроэнтерит и ветрянка), которое показывало, что закрытие школ и ограничения в работе общественного транспорта существенно сокращали количество заболевших, но экономические издержки от этих мер превышали экономическую выгоду от снижения заболеваемости (Adda, 2016). Однако уже в этой статье указывалось, что при распространении даже немного более опасных вирусов результаты сравнения выгод и издержек меняются, и закрытие школ оказывается выгодной мерой. Кроме того, было показано, что увеличение межрегиональной мобильности за счет развития сети высокоскоростных поездов приводит к увеличению распространения вируса, а связанные с этим медицинские издержки и издержки от падения производительности сравнимы по размеру с выгодами от увеличения скорости поездов. Анализ также показывает, что скорость распространения инфекций тесно связана с экономической активностью – болезни распространяются быстрее во время экономических бумов, так как в это время люди больше путешествуют.

Уже после начала пандемии COVID-19 стали появляться численные модели, которые включают в себя как эпидемиологическую составляющую, описывающую распростра-

нение и воздействие вируса, так и экономическую составляющую, оценивающую влияние как самого вируса, так и мер по его сдерживанию, и демонстрирующие существенную выгоду от введения строгих мер по сдерживанию болезни. Так, в модели Thunstrom et al (2020) введение мер по социальному дистанцированию в США в базовом сценарии приводит к чистому выигрышу в 5 трлн долларов. Конкретные численные оценки выигрыша зависят от предположений о стоимости человеческой жизни (см. главу Гуриева в данном сборнике). Но качественный результат, что введение мер по сдерживанию распространения вируса приводит к чистому выигрышу, оказывается верным при практически любых реалистичных оценках стоимости человеческой жизни.

Подобные модели также указывают и на важность использования более точечных подходов к борьбе с вирусом, чем введение общего карантина и других нетаргетированных ограничений. Так, в работе Berger et al (2020) показано, что массовое тестирование на наличие вируса и введение избирательного карантина существенно снижают как смертность, так и экономические издержки от вызываемой вирусом болезни. Подобные меры могут быть дополнены мерами по отслеживанию контактов людей с положительным тестом на наличие вируса. Именно такой подход успешно зарекомендовал себя в Южной Корее, и он же, но с более заметными элементами общего социального дистанцирования, был применен в Сингапуре и Тайване. Ключевым при этом становится тестирование большего количества случайно выбранных людей, которое позволяет более точно понять эпидемиологические характеристики вируса, а также социо-экономические характеристики людей, наиболее подверженных риску заражения. И то, и другое является ключевыми параметрами, определяющими то, какие меры позволят добиться необходимых результатов в борьбе с вирусом, нанося

наименьший экономический ущерб (Stock, 2020).

Надо отметить, что численные оценки в указанных работах очень приблизительны, так как не учитывают огромное количество важных эффектов. Так, с одной стороны, не оценивается долгосрочный ущерб здоровью у людей, которые переболели COVID-19, но выжили, в том числе за счет оказания им экстренной помощи. Не учитываются также смерти и ущерб здоровью пациентам с другими заболеваниями, которым не была оказана медицинская помощь из-за нехватки медицинских ресурсов. С другой стороны, не оцениваются негативные эффекты на здоровье населения от экономического кризиса и сокращения доходов населения, а также негативные эффекты на здоровье (прежде всего психологическое) от социальной изоляции. При этом влияние экономического кризиса на смертность в относительно небогатой стране, такой как Россия, может быть гораздо серьезней, чем в западных странах (Яковлев, 2020). Кроме того, в этих моделях нет учета пространственных аспектов распространения вируса и соответствующих ограничительных мер, в то время как в реальной жизни региональные факторы, связанные, в том числе, с миграционными потоками, играют очень важную роль как в распространении вируса, так и в мерах, направленных на его сдерживание (см. главу Михайловой и Валсеки в данном сборнике).

Неравномерное распределение издержек

Одной из важнейших особенностей текущего экономического кризиса является крайне неравномерное распределение экономических издержек, связанных с мерами по замедлению распространения вируса. В разрезе индустрий, от вводимых мер в первую очередь страдают транспорт, туристическая отрасль, сфера обслуживания, требующая физического взаимодействия с клиентами (рестораны, парикмахерские и т.п.).

Кроме того, существенные убытки будут терпеть компании, производящие потребительские товары длительного пользования (например, автомобили), так как в ситуации неопределенности люди сокращают свои расходы прежде всего на такие товары. В наименьшей степени от вводимых ограничений страдают (или даже выигрывают) индустрии имеющие возможность работать в удаленном режиме или обеспечивающие возможность такой работы. Это прежде всего телекоммуникационные компании, компании в сфере онлайн-развлечений и онлайн-образования.

В плане размера, в наиболее уязвимом положении оказываются компании малого и среднего бизнеса, у которых намного более высокое соотношение денежных потоков к активам, чем у более крупных корпораций. Это означает, что у них нет финансовой «подушки безопасности» и для обслуживания своих обязательств им необходимо постоянно поддерживать определенные обороты, а любая, даже временная приостановка деятельности грозит им банкротством. В аналогичной ситуации находятся и индивидуальные предприниматели. В этом плане Россия оказывается в относительно более выгодном положении, чем другие страны, так как доля малых и средних предприятий в стране исторически остается на достаточно низком уровне.

С точки зрения отдельных работников в наиболее выгодном положении оказываются те, кто может полноценно продолжить работу в дистанционном режиме. Проблема заключается в том, что количество таких работ весьма ограничено. Даже в США, где структура экономики в целом благоприятна для развития именно таких индустрий, доля работ, которые могут выполняться из дома, оценивается лишь в 34% (Dingel and Neiman, 2020). При этом доля тех, кто может продолжить работу в дистанционном режиме существенно больше среди высококвалифицированных работников, кото-

рые изначально зарабатывают больше. Таким образом, экономические издержки от ограничительных мер будут непропорционально бить по наиболее бедным и уязвимым слоям населения.

Среди работ, которые невозможно полностью перевести в дистанционный режим, также имеется существенная вариация в том, насколько они зависят от непосредственного общения и контакта между людьми и, соответственно, насколько они пострадают от введения мер по социальному дистанцированию. Такие персональные контакты могут требоваться либо из-за того, что требуется активное взаимодействие между сотрудниками компании в рамках командной работы, либо из-за необходимости взаимодействия с клиентами, либо из-за того, что производственный процесс требует нахождения в непосредственной близости друг от друга, даже если они не коммуницируют между собой. Исследования того, как в США географически распределены работы, наиболее зависящие от непосредственных контактов между людьми, показывают, что они непропорционально представлены в больших городах с высокой плотностью населения. Таким образом, городские агломерации пострадают от вводимых мер в большей степени не только потому, что в них социальное дистанцирование более важно и накладывает большие ограничения, но и потому, что структура занятости в них такова, что экономический ущерб от таких мер также выше.

Еще одним важным аспектом неравномерного распределения экономических издержек является гендерное неравенство. С одной стороны, в России доля занятости в наиболее пострадавших секторах выше у мужчин. С другой стороны, закрытие детских садов и школ непропорционально увеличивает нагрузку на женщин, которые традиционно больше мужчин занимаются заботой о детях (см. главу Кузьминой в данном сборнике).

Меры по борьбе с экономическим кризисом

В отличие от кризисов 2008 или 1998 годов, кризис, вызванный эпидемией COVID-19, является не финансовым, а экономическим. Меры по борьбе с вирусом наносят удар прежде всего по заработкам людей и прибыли компаний. Финансовые институты тоже понесут убытки, но уже как следствие этих проблем. Именно поэтому первостепенную важность будут играть именно фискальные меры от правительства, хотя и действия монетарных властей также могут сыграть крайне важную роль в преодолении кризиса (см. главу Егорова в данном сборнике).

Во время подобного кризиса государственные программы поддержки экономики требуются для того, чтобы компенсировать потери людям, чьи доходы резко сокращаются из-за вводимых ограничительных мер, предотвратить коллапс совокупного спроса и обеспечить необходимой ликвидностью как реальный, так и финансовый сектор. Все эти три задачи являются крайне важными для того, чтобы временные меры по борьбе с распространением вируса не нанесли долгосрочного урона экономике, и она имела бы возможность быстро восстановиться после отмены ограничительных мер. При этом, поскольку многие компании, особенно малого и среднего бизнеса, рискуют оказаться на грани банкротства очень быстро, то скорость выделения государственной помощи также становится очень важным параметром. Именно поэтому ведущие экономисты призывали правительства действовать быстро, решительно и масштабно (Baldwin et al 2020).

С точки зрения поддержания совокупного спроса, основным становится размер государственной поддержки, то есть то, на сколько правительство будет готово увеличить свои расходы. Размер этого увеличения должен быть примерно равен ожидаемому сокращению ВВП вследствие

кризиса. На данный момент точный масштаб падения экономики оценить сложно, но можно исходить из оценки в 10% ВВП (см. главу Ицхоки в данном сборнике). Пакеты государственной помощи похожего или даже большего объема уже приняты в таких странах как Великобритания, США, Франция, Малайзия и многих других. В России сопоставимые меры означают выделение пакета объемом порядка 10 трлн рублей. Эта сумма выглядит весьма внушительно, особенно в условиях падения цен на нефть, ведущего к существенному сокращению бюджетных доходов. Однако, Россия подходит к кризису в крайне выгодной позиции с макроэкономической точки зрения (низкая инфляция, низкий государственный долг, большой объем резервов). Так что возможность выделить такую внушительную сумму либо за счет увеличения государственного долга, либо за счет расходования средств из резервного фонда на самом деле есть.

Помимо общего размера фискального стимула, важно и то, на что именно эти деньги будут потрачены. Ключевыми в данной ситуации станут расходы, которые позволят скомпенсировать потери тем, кто больше всего пострадает в сложившейся ситуации. Это верно как в отношении компаний, наиболее пострадавших от введения ограничительных мер (см. главу Волчковой в данном сборнике), так и отдельных граждан, которые недополучат зарплату из-за вынужденного отпуска или потеряют работу, не говоря уже о медицинских работниках. По сути, в данной ситуации одни граждане вынуждены жертвовать своими доходами ради спасения других (прежде всего, пожилых). И именно государство становится тем институтом, который может своими действиями не только предотвратить сползание экономики в рецессию, но и скомпенсировать потери тем, кому придется нести на себе основное бремя в этой борьбе. Несмотря на то, что оптимальным представляется выделение помощи в зависимости от того, какие издержки несут получатели этой по-

мощи, сложности администрирования и определения того, кто пострадал в большей или меньшей мере, становятся аргументом в пользу выделения безусловной помощи (см. главу Сони́на в данном сборнике).

Долгосрочные последствия кризиса

Уровень неопределенности, связанный как с распространением самого коронавируса, так и с экономическими последствиями пандемии настолько высок, что делать какие-то прогнозы на данный момент крайне сложно. Однако уже можно обозначить несколько потенциальных развилок, с которыми столкнется и мировая, и российская экономика по окончании кризисной фазы. Прежде всего, остро встанет вопрос о роли государства в экономике. Во время кризиса роль государства резко возрастает и при этом далеко не всегда возвращается к изначальному уровню уже после его окончания. Именно так роль государства в западных странах резко возросла после Великой депрессии и Второй мировой войны. И если в некоторых странах определенное увеличение роли государства в долгосрочной перспективе можно оправдать, то в России влияние государство уже настолько велико, что дальнейшее его увеличение может иметь крайне негативные последствия для развития экономики. При этом, есть надежда, что кризис может дать импульс росту эффективности работы государственных органов, например, в области адресных социальных выплат, которые становятся

крайне важными во время кризиса. Кроме того, в случае России, кризис и сопровождающее его падение цен на нефть может дать еще одну возможность увеличить диверсификацию российской экономики и уменьшить ее зависимость от экспорта ресурсов (см. главу Тевса в данном сборнике). Мы также можем ожидать, что кризис даст мощный толчок развитию онлайн индустрий и удаленной работе, существенно ускорив уже давно наблюдаемые тренды. Еще одним потенциально важным эффектом кризиса могут стать изменения в уровне доверия, национализма и международной кооперации (см. главу Вебера в данном сборнике). С одной стороны, кризис показал, что биологические угрозы не имеют государственных границ и требуют координации усилий различных стран для борьбы с ними. С другой стороны, экономические кризисы ведут к падению общего уровня доверия (Ananyev and Guriev, 2019) и могут привести к росту национализма и дискриминации (см. главу Кэмпбела и Яковлева в данном сборнике).

На данном этапе практически невозможно предсказать, какие из многих возможных сценариев реализуются, но приведенные выше (а также многие другие) соображения относительно возможных долгосрочных последствий кризиса крайне полезно иметь в виду при обсуждении тех или иных принимаемых во время кризиса мер, так как они способны оказать существенное влияние на развитие экономики и после окончания острой фазы кризиса.

ЛИТЕРАТУРА:

- **Adda J.**
"Economic activity and the spread of viral diseases: Evidence from high frequency data",
 The Quarterly Journal of Economics 131 (2): 891-941, 2016.

- **Ananyev M., Guriev S.**
"The effect of income on trust: the evidence from 2009 crisis in Russia",
 Economic Journal, 129(619): 1082-1118, 2019.
- **Baldwin R., Weder di Mauro B.**, editors.
"Mitigating the COVID Economic Crisis: Act Fast and Do Whatever It Takes",
 A CEPR Press VoxEU.org eBook, 2020.
- **Berger D., Herkenhoff K., Mongey S.**
"An SEIR Infectious Disease Model with Testing and Conditional Quarantine",
 NBER Working Paper, 2020.
- **Dingel J., Neiman B.**
"How Many Jobs Can be Done at Home?"
 NBER Working Paper 26948, 2020.
- **Stock J. H.**
"Data Gaps and the Policy Response to the Novel Coronavirus",
 NBER Working Paper, 2020.
- **Thunstrom L., Newbold S., Finnoff D., Ashworth M., Shogren J.**
"The Benefits and Costs of Flattening the Curve for COVID-19",
 SSRN working paper, 2020.
- **Е. Яковлев.**
«Сколько жизней заберет экономический кризис».
 Колонка в газете Ведомости от 11.04.2020.

НОВЫЙ КОРОНАВИРУС И ЭКОНОМИКА

5 апреля 2020 года

Олег Ицхоки

Принстонский университет и
Калифорнийский университет
в Лос-Анджелесе

Что мы знаем о новом вирусе

Без ограничений и карантина в Европе и Северной Америке вирус распространяется со скоростью, при которой количество больных удваивается примерно каждые 3 дня в первые месяцы эпидемии. Заболеть может практически каждый, и ожидается, что COVID-19 могут переболеть от 20-70% населения земли, в каждой стране. Выздоровевшие, скорее всего, обладают иммунитетом, по крайней мере частичным. Болезнь длится в среднем 2-3 недели после недельного инкубационного периода, обычно с симптомами (последовательно кашель, температура, усталость, мышечные боли, воспаление легких), которые нарастают постепенно. Доля асимптоматических больных – основной неизвестный фактор, без которого сейчас сложно оценить масштаб распространения вируса, а также коэффициент смертности.

Исходя из текущих данных, около 15% заболевших нуждаются в госпитализации (фиброз легких, сложности с дыханием, нужен дополнительный кислород), 5% нужна интенсивная терапия (интубация).

Смертность составляет около 1% забо-

левших (если предполагать, что все случаи учтены). При этом среди людей в возрасте до 40 лет она только 0,1-0,2%, и существенно выше (до 10%) – среди больных старше 60 лет и среди групп риска с ослабленным иммунитетом или ослабленными легкими, в том числе от курения. При перегруженной медицинской системе оказать помощь всем нуждающимся невозможно, и смертность возрастает в 3-5 раз. Неограниченное распространение вируса неминуемо приводит к перегрузке системы здравоохранения уже в первый-второй месяц эпидемии, и страны вынуждены принимать меры, чтобы избежать этого любой ценой для их экономики.

С учетом длительности инкубационного периода и болезни текущая ситуация в больницах отражает результат распространения вируса с лагом примерно в 3 недели. Например, в тот момент, когда появляется первая смерть, можно ожидать, что уже существует порядка 300 активных случаев заражения (даже если они не отражены в статистике из-за несовершенства тестирования). Когда количество смертей достигло 50, количество зараженных, вероятно, превышает 10 тыс., что означает невозможность борьбы с эпидемией точечными мерами. К тому же,

любые меры, принимаемые сегодня, будут отражены в количестве новых случаев заражения лишь спустя несколько недель, а в количестве смертей – лишь спустя месяц.

Карантин

Для стран, пропустивших начальный этап распространения вируса в январе-феврале, – а это фактически все страны за пределами Азии – на данный момент не остается выбора, кроме введения жестких форм карантина на период 8-10 недель. Жесткий карантин предполагает закрытие школ и всех не жизненно-необходимых бизнесов, ограничения на выход на улицу (разрешаются только походы за продуктами и в аптеку). Страны, пытавшиеся применить более тонкие стратегии – например, Великобритания, где карантин изначально предполагался только для групп повышенного риска, – осознали несовместимость таких стратегий с целью не допустить перегрузки системы здравоохранения, и в итоге перешли на жесткий карантин.¹ Опыт Китая подтверждает способность 2х-месячного карантина снизить количество новых случаев заболевания фактически до нуля. Текущий опыт Италии показывает, что карантин эффективен даже в западных странах, применяющих его в более мягком варианте.

Конец фазы карантина в Европе и США ожидается к середине мая – началу июня, когда количество новых ежедневных случаев заболевания должно оказаться снижено на несколько порядков. В этих условиях страны смогут начать переходить ко второй фазе мер, имитирующих лучший опыт азиатских стран – Тайваня, Сингапура, Гонконга, Японии и Южной Кореи, а также Китая после карантина. На этом этапе карантин

ослабляется, школы и рестораны переходят в режим ограниченной работы, фабрики и транспорт открываются в режиме с «социальной дистанцией» между людьми, но массовые мероприятия (культурные, спортивные, и т.д.) по-прежнему запрещены.

Смягчение карантина происходит на фоне массового тестирования на вирус (как для выявления текущих больных, так и тех, кто уже переболел при помощи теста на антитела), отслеживания контактов заболевших, использования масок на улицах и в публичных местах, возможном повсеместном измерении температуры в публичных местах, а также использования технологий (например, геолокации в смартфоне) для выявления людей с повышенным риском заражения. При этом группы риска по-прежнему соблюдают карантин. Идея состоит в том, чтобы частично открыть экономику, при этом не допустив повторения цикла неконтролируемого роста числа зараженных, который приведет к повторной перегрузке медицинской системы и новому жесткому карантину. В то же время государство интенсивно наращивает ресурсы системы здравоохранения – с помощью обучения дополнительного медицинского персонала, увеличения количества больничных коек (в частности, с использованием для этого пустых гостиниц и общежитий), ускоренного производства защитных материалов для медицинского персонала, и т.д. – для того, чтобы по возможности расширить все узкие места в системе и быть лучше подготовленным ко второй волне, если она произойдет. Эта фаза, при ее успехе, будет длиться до появления эффективного противовирусного лекарства и/или вакцины – вероятно около года.²

1. Вариант совсем без карантина также не представляется возможным, поскольку при перегруженной системе здравоохранения и 5%-ной смертности стоит ожидать паники населения, которая приведет к неконтролируемому отказу людей выходить на улицу и на работу.

2. Альтернативный подход, применяемый в Японии (где количество новых случаев удваивалось до недавнего времени лишь каждые 30 дней), вместо попытки полного подавления новых случаев предполагает контролируемый постепенный рост числа заболевших со скоростью, не приводящей к перегрузке системы здравоохранения. Преимущество этого более рискованного подхода состоит в том, что он позволяет приобрести коллективный иммунитет, когда значительная часть населения переболела и обладает антителами к вирусу, что позволяет выйти из кризиса, даже если вакцина не будет найдена.

Экономика

Карантин вводит экономику в глубокий спад, поскольку предполагает практически полностью закрыть сферу персональных услуг – рестораны, гостиницы, кинотеатры, музеи, спортивные залы, спортивные и культурные мероприятия, университеты, школы, транспорт, туризм и т.д. Это напрямую затрагивает больше 30-40% экономики и рабочих мест. Кроме того, это заморозка многих инвестиционных проектов, в том числе строительства, и, следовательно, потеря части этого большого сектора экономики. При жестком карантине дополнительно закрываются производства, фабрики и заводы.

Следует ожидать, что 2-3-месячный карантин приведет к потере половины ВВП в текущем квартале. Переход ко второй, пост-карантинной фазе тоже, вероятно, будет сопряжен только с частичным восстановлением экономики. В связи с этим, стоит ожидать потерю 20% годового ВВП при оптимистическом варианте с одной волной карантина.³ Это, очевидно, будет самой глубокой годовой глобальной рецессией за всю современную историю.

Необходимо подчеркнуть, что это не циклический экономический кризис, вызванный падением производительности экономики или нехваткой спроса. Это кризис эпидемиологический и медицинский. Государ-

ства вынуждены останавливать экономику, чтобы справиться с острой фазой медицинского кризиса, без разрешения которого невозможно перезапустить экономику. В связи с этим, стандартные подходы к экономическому кризису и антикризисной политике (например, снижение процентной ставки или налоговые стимулы) здесь напрямую не применимы. В частности, если эпидемиологическая и медицинская проблемы будут решены, последующий выход из кризиса может быть существенно быстрее, чем, например, из финансового кризиса 2008-2009 годов, после которого почти 10%-ная безработица в США не снижалась в течение нескольких лет и оставалась выше 8% четыре года после окончания кризиса.

Что означает 20%-ное падение ВВП? В первую очередь это потерянный выпуск рыночных товаров и услуг, который в большой степени не может быть восполнен, и люди вынуждены снизить рыночное потребление на соответствующую величину.⁴ Это также означает потерю 20% всех годовых заработков в экономике – зарплат, дохода на капитал и прибыль. Тем не менее, в масштабах всей жизни такая годовая потеря доходов не столь значительна – менее 2% дисконтированной приведенной стоимости (net present value).⁵ Это означает, что у экономики есть возможность пережить такой кризис, несмотря на его текущую остроту.

3. Текущие прогнозы МВФ и инвестиционных банков о потере «только» 10% годового ВВП выглядят оптимистическими. Что мы уже сейчас видим из данных – это потеря 40% ВВП за три месяца карантина в Китае, и как минимум такие же ожидаемые потери в Западной Европе во II квартале. Ожидать почти полного восстановления экономики в III и даже IV квартале, кажется, нереалистичным. Если исходить из того, что потери во II квартале будут 40%, в III квартале – 20% и в IV квартале – 10%, то следует ожидать 20%-ное снижение годового ВВП. Официальные данные могут занижать реальное падение ВВП, если ряд рабочих мест и заработков будут искусственно сохранены за счет государственной финансовой поддержки.

4. Рыночное потребление, отражаемое в ВВП, может быть заменено нерыночным – обеды и ужины, приготовленные дома, фильмы, просмотренные через стриминг-сервисы, а не в кинотеатре – что ограничивает потери благосостояния относительно потерь выпуска и ВВП.

5. Такой подсчет (с 5% ставкой дисконта) означает, что, если годовая 20%-ная потеря ВВП является средним сценарием, капитализация рынка акций (без рычага) должна потерять 1,5-2% своей стоимости при долгосрочном подходе (in certainty equivalent terms), и, следовательно, гораздо более значительное падение рынка отражает в основном неопределенность и рост неприятия риска в текущей ситуации, а также возможность банкротств и перераспределения собственности к кредиторам или национализацию компаний. Альтернативный сценарий, при котором производительность и выпуск падают дольше, чем год, дает существенно большие потери в зависимости от того, насколько долго растягивается выход на докризисный уровень.

Экономическая политика

Проблема состоит в том, что потери в экономике распределены очень неравномерно и приходится особенно остро на ряд секторов персональных услуг, в которых ожидается рекордная безработица и банкротства фирм, что, в частности, может привести к кризису финансовой системы. Первая задача государства состоит в перераспределении потерь и поддержке наиболее затронутых слоев населения – с помощью предоставления очень щедрой прямой помощи потерявшим работу, а также финансовой помощи фирмам, отказывающимся увольнять своих работников – в обоих случаях, скажем, пропорционально 60-70% потерянного трудового заработка. Фокус здесь необходим не только на работниках по трудовому контракту, но и на фрилансерах, работниках по временным контрактам, владельцах малого и среднего бизнеса.

Первые такие программы уже приняты в США, Германии и ряде стран Западной Европы, и уже достигают более 10% их ВВП (превышая в 3 раза общую помощь, оказанную экономике в 2008-2009 годах). Можно ожидать еще один или больше раундов подобной финансовой помощи, в зависимости от длительности кризиса. Средства на эти программы должны быть взяты из резервного фонда или с помощью увеличения государственного долга, который приведет к повышению налогов в будущем, тем самым сглаживая потери между поколениями и временными периодами.⁶ Подобные меры не принято использовать во время обычных циклических рецессий, поскольку государство стремится дать стимулы потерявшим работу поскорее найти новую. В данном кризисе все наоборот – нам необ-

ходимо, чтобы люди не выходили на работу, и поэтому их потери должны быть компенсированы.⁷ Следует отметить, что эти государственные расходы не позволят компенсировать потерянный ВВП – они лишь сглаживают неравные потери заработка среди населения (это перераспределительная мера, а не мера стимулирования совокупного спроса, поскольку спрос ограничен эпидемиологическим кризисом).

Об этом кризисе правильнее думать не как об экономическом, а как о природном катаклизме (повсеместное землетрясение, ураган или пожар, только без разрушения капитальных ресурсов), где роль государства – ввести экономику в контролируемую кому на минимальный необходимый срок и в течение этого времени компенсировать значительную часть потерь всем пострадавшим. Решительные и смелые меры государства в самом начале кризиса, а также четкая коммуникация планов и прогнозов для всего населения позволят избежать паники, а также скоординировать ожидания и усилия граждан по борьбе с вирусом и его экономическими последствиями. В частности, важно, чтобы государство помогало перенаправить людей из закрывающихся секторов в сектора с острой нехваткой рабочей силы – в первую очередь в здравоохранение и сектор производства, распространения и доставки продуктов питания, гигиены и других товаров первой необходимости.

Два существенных вопроса государственной помощи экономике – это решение долгового кризиса и прямая финансовая помощь фирмам для предотвращения банкротств. Кажется очевидным необходимость долговых «каникул», когда должникам позволяется полгода или год не платить по

6. Для стран без существенных резервов и с ограниченной возможностью увеличивать государственный долг будет необходимо прибегать к кредитам от МВФ и Всемирного банка. Инфляционное финансирование тоже возможно, но может привести к неконтролируемой инфляции и макроэкономической нестабильности в будущем.

7. При пике заболеваемости значительная доля населения может носить вирус – это дополнительный эффект на экономику, если столько людей выбывает из рабочей силы и не могут работать. Важно, чтобы государство помогало покрыть медицинские расходы и выплачивало медицинские компенсации тем, кто не может работать из-за вируса.

кредитам с переносом (но не отменой) всех выплат на этот срок. При этом государство компенсирует временные потери кредиторов за счет прямой финансовой помощи, а также гарантирует финансовую стабильность банковской системы. Менее очевидный вопрос касается выплаты арендной платы за коммерческие и жилые помещения – государство может также потребовать отложить выплаты (например, запретив выселять неплательщиков в ближайшие три месяца) или частично компенсировать арендную плату.

Наконец, должно ли государство предотвращать банкротства и поддерживать финансово все или некоторые действующие фирмы? Если у государства есть такая финансовая возможность, это вероятно самое простое решение – временно поддерживать все компании, чтобы они смогли сразу включиться назад в экономику по окончании медицинского кризиса. Однако, если кризис длится продолжительное время, финансовые возможности любой страны будут ограничены, и помощь должна быть, по крайней мере, выборочной. Здесь важно понимать, что банкротство фирмы в данном случае не означает закрытие бизнеса из-за его принципиальной экономической нецелесообразности (как часто бывает во вре-

мя циклических кризисов) – во многом это просто переход права собственности на производственные активы. Например, авиакомпании, терпящие убытки, не теряют свои самолеты и пилотов, но текущие владельцы могут быть вынуждены передать права собственности на активы авиакомпании. При этом государство должно помочь избежать необходимости массовых банкротств с помощью вышеперечисленных мер – прямой финансовой помощи по выплате зарплат и отсрочки выплат по кредитам и арендной платы.

В целом, важно понимать, что государственная политика не может полностью нивелировать этот кризис: падение ВВП, скажем, на 20% – это реальная огромная потеря экономики, которая в той или иной степени коснется каждого из нас. Роль государства – сгладить эти потери между всеми членами общества, помочь наиболее уязвимым слоям населения, а также, по возможности, избежать экономических потерь, которые не являются абсолютно необходимыми (в частности, массовых банкротств малого и среднего бизнеса). Государственная экономическая политика должна гарантировать экономике возможность быстрого восстановления, как только фаза острого медицинского кризиса будет закончена.

КОГО И КАК ДОЛЖНО ПОДДЕРЖИВАТЬ ГОСУДАРСТВО В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА, ВЫЗВАННОГО КОРОНАВИРУСОМ?

1 апреля 2020 года

Наталья Волчкова

Российская экономическая школа

Экономический кризис, вызванный пандемией коронавируса, очень необычный. Сложно найти похожее развитие событий в прошлом. Поэтому важно выделить основные компоненты кризиса, чтобы сформулировать адекватные антикризисные меры. Сразу оговорюсь, о каком кризисе идет речь в этой записке.

В конце 2019 года новый коронавирус появился в городе Ухань в Китае и в начале 2020 года стал распространяться по миру из-за носителей, путешествующих из Китая в разные страны.

Распространение нового вируса имеет следующие особенности:

1. высокая степень контагиозности
2. достаточно долгий инкубационный период
3. высокая доля бессимптомных носителей
4. значительная доля носителей с тяжелыми симптомами
5. достаточно высокий уровень смертности (пока неточно определяемый)
6. отсутствие лекарственных препаратов, имеющих доказанное воздействие на течение заболевания.

Неудивительно, что в этих условиях люди стали избегать некоторых товаров и услуг, потребление которых сопряжено с необходимостью близко контактировать с другими людьми, возник запрос на социальное дистанцирование с соответствующим спадом спроса на ряд товаров и услуг.

В свою очередь, высокая контагиозность и значительное число бессимптомных или слабо симптоматичных носителей предопределили экспоненциальный рост числа заболевших, в том числе тяжело заболевших и требующих реанимационной поддержки. Это усилило нагрузку на систему здравоохранения, которая не готова обеспечить всех тяжелобольных адекватной поддержкой в ОРИТ. В связи с этим государства на определенной стадии распространения заболевания начали вводить меры, в той или иной степени ограничивающие контакты людей, вплоть до полного карантина. Задача этих мер – замедлить распространение эпидемии, чтобы система здравоохранения могла обеспечить поддержку всех тяжело заболевших.

Так как до сих пор неизвестно, возникает ли надежный уровень иммунитета у перенесших заболевание, и при какой доле заболевших возникает групповой иммунитет к нему, а тестирование на вирус и на антитела к нему еще не проводятся в объеме, необходимом для понимания степени распространенности заболевания, то сложно оценить, сколько времени еще потребуется для стабилизации ситуации.

В свою очередь, параллельно с ухудшением эпидемиологической обстановки начал развиваться и экономический кризис. Изменилось отношение потребителей к определенным товарам и услугам: добровольно – в случае самых осведомленных и вынужденно – в случае менее осведомленных и/или более рискованных, благодаря введенным государством ограничительным мерам. От потребления некоторых они отказались совсем, потребление некоторых снизили, потребление третьих, напротив, выросло. При этом нельзя полностью списать отказ от потребления на классический шок спроса. Фактически произошла переоценка того или иного товара или услуги с точки зрения полезности для потребителя. Повышенный риск заражения коронавирусом при потреблении того или иного товара или услуги изменил их ценность для потребителя – из приносящих полезность и удовольствие они стали угрожающими здоровью и жизни. Понятно, что классический рецепт для экономической политики – лечить отрицательные шоки спроса наращиванием денежной массы – тут работать не будет, так как ожидаемые риски здоровью слишком высоки, чтобы можно было компенсировать их деньгами.

В какой-то мере подобная ситуация отказа от потребления товара или услуги возникает, когда какие-то товары или услуги становятся устаревшими, и им на смену приходят

новые, более современные разновидности и технологии. Обычно такое происходит не мгновенно, занимает несколько лет, и производители имеют возможность перестроить производства. Те же, кто не смог оценить важность происходящих на рынке изменений или не сумел эффективно перестроиться, покидают рынок.

В текущей ситуации снижение потребления произошло совершенно неожиданно и бизнес не был готов к этому. Однако хорошей новостью является то, что есть основания считать, что снижение спроса временно и при успехе в создании вакцины или прояснении ситуации с групповым иммунитетом спрос восстановится до прежнего уровня достаточно быстро. То есть, в массе производители не должны принципиально менять свои технологии и перестраивать бизнес в силу долгосрочного изменения спроса.

С точки зрения влияния новой экономической ситуации на деятельность фирм можно выделить несколько категорий бизнеса (отраслей):

1. Отрицательный шок без возможности адаптации:

- Бизнес, спрос на товары и услуги которого упал до нуля, и не имеющий возможности использовать удаленный формат для продаж (салоны красоты, стоматология, неэкстренные медицинские услуги, фитнес центры, гостиницы и другие). Этот бизнес характеризуется необходимостью тесного контакта потребителя и поставщика.
- Компании, предоставляющие услуги или товары для бизнеса (B2B), спрос на которые упал не напрямую, а опосредованно, в силу того, что потребитель его услуг попадает в категорию 1.

2. Отрицательный шок с возможностью адаптации:

- Бизнес, спрос на товары и услуги которого упал значительно, но имеющий возможность использовать удаленный формат для некоторой компенсации продаж (образование на разных уровнях – от дошкольного до высшего, IT, розничная торговля, рестораны и т.д.)

3. Положительный шок спроса:

- Бизнес, спрос на товары и услуги которого вырос и имеющий возможность использовать удаленный формат продаж (некоторые сферы розничной торговли, аптеки, производство СИЗ, услуги доставки и т.д.)

4. Отсутствие значительного шока спроса:

- Бизнес, имеющий возможность продолжать деятельность (нет тесного контакта с потребителем и работником и между работниками), но не имеющий возможность это делать в силу ограничений на перемещение работников, наложенных государством.

В силу того, что бизнес в категории 3 представляет собой очень незначительную долю от всей экономики, то замедление темпов роста и даже падение экономики в этих условиях являются неизбежными. Перед государством стоит задача по смягчению негативных последствий для граждан и экономики.

Какие меры поддержки может предложить государство в таких условиях, чтобы снизить глубину и продолжительность экономического кризиса?

Дополнительным условием при разработке мер поддержки экономики должна быть ориентация на то, чтобы эти меры не стали

тормозом для восстановления экономики в условиях улучшения эпидемиологической ситуации, а в идеале, напротив, способствовали бы ее быстрому восстановлению.

Имея в виду неоднородный эффект кризиса на экономику, необходимо сформулировать цели, стоящие перед государственной политикой в отношении разных категорий экономических агентов и бизнесов. Исходя из неэкономической природы причины кризиса и его краткосрочности, можно предложить в качестве целей:

- максимальное содействие бизнесу из группы риска в консервации издержек на период кризиса;
- при одновременной поддержке населения, потерявшего источники дохода, денежными трансфертами.

1. С точки зрения мер социальной политики представляется важным, чтобы государство обеспечило условия выживания для самых малоимущих слоев населения, с учетом того, что данная категория граждан будет стремительно увеличиваться в текущих условиях. Группа риска – это люди, потерявшие работу и/или источники дохода полностью или частично.

2. С точки зрения поддержки бизнеса, государство должно способствовать тому, чтобы помочь ему пережить кризис с тем, чтобы после его окончания наиболее эффективный бизнес мог быстро восстановиться и обеспечить предложение рабочих мест и рост экономики, а соответственно и доходов населения.

3. С точки зрения указанных выше групп бизнеса особенно важно, чтобы меры позволили в краткосрочном периоде пережить кризис бизнесу из категории 1), и не усложнили ситуацию для бизнеса из категории 2).

Для бизнеса категории 1, спрос на товары и услуги которых упал до нуля, но нет никаких причин ожидать, что он не восстановится

после окончания эпидемии, естественной возможностью пережить ситуацию является консервация бизнеса. Спрос на его товары и услуги невозможно повысить в текущих условиях, поэтому альтернативой является только максимальное снижение издержек. Этот бизнес должен максимально медленно накапливать долги в текущих условиях.

Основные категории расходов бизнеса в отсутствии спроса и производственной деятельности:

- Заработная плата
- Арендная плата
- Обслуживание кредиторской задолженности
- Налоги, в первую очередь на ФОТ

Какие меры государственной политики могут помочь бизнесу снизить издержки?

- Возможность оптимизировать наемных работников – увольнять или отправлять в неоплачиваемый отпуск. Увольнение может быть оптимально, если рынок соответствующего вида труда позволяет легко найти работника в условиях восстановления спроса. Неоплачиваемый или частично оплачиваемый отпуск позволит фирме сохранить связь с сотрудниками, заменить которых будет не так легко в условиях восстановления. Таким образом, возможность легко уволить или отправить в неоплачиваемый отпуск работника позволит бизнесу существенно снизить издержки на труд, что, в свою очередь, снизит его расходы и на уплату налогов.
- Снижение арендной платы. В случае, если снимаемое помещение является муниципальной собственностью, необходимо рассмотреть возможность отмены арендной платы в период эпидемии. В случае, если помещение принадлежит

частному собственнику, то бизнес может договориться о снижении арендной платы. Это уже происходит, и для арендодателя должно быть выгодно снизить арендную плату, поскольку альтернативой является потеря платы вовсе в отсутствии возможности сдать помещение другому бизнесу в текущих условиях.

- Обслуживание кредиторской задолженности. Отсрочка платежей по кредитам на период эпидемии представляется адекватной мерой для поддержки бизнеса, спрос на продукцию или услуги которого отсутствует и можно ожидать, что он восстановится при изменении эпидемиологической ситуации.

Таким образом, набор мер, нацеленных на поддержку **бизнеса категории 1** должен включать в себя:

- введение простой процедуры, позволяющей увольнять работников и/или отправлять их в неоплачиваемый отпуск;
- снижение до нуля арендной платы в случае нахождения помещения в муниципальной собственности;
- заморозка платежей по кредиторской задолженности.

Такие меры позволят бизнесу максимально сократить текущие издержки. В условиях восстановления спроса наиболее успешные компании, как с точки зрения накопленных ранее доходов, так и с точки зрения способности управлять издержками в кризисный период, смогут быстро восстановиться и нанять недостающих работников.

Как определить бизнесы, которые попадают в **категорию 1**? Их можно определить по отраслевой принадлежности, и список рискованных отраслей можно составить, исходя из того, какова необходимая дистанция

между потребителем и поставщиком или между работниками. Чуть более сложно обстоит дело со второй группой фирм в этой категории – тех, чей бизнес остановился из-за проблем у потребителя, который попал в первую категорию. Это может быть бизнес из области IT, который потенциально может работать в удаленном режиме, но, являясь частью производственной цепочки и находясь в ситуации, когда у их клиентов спрос упал до нуля, они испытывают всю полноту проблем. Возможность диверсифицировать спрос на свою продукцию и услуги в условиях кризиса может быть доступна для некоторых представителей такого типа бизнеса. Выявлять такие компании можно было бы из налоговых данных (возмещение НДС), ориентируясь на отраслевую принадлежность потребителей их продукции или услуг.

Бизнес **категории 2** имеет возможность оптимизировать свою работу полностью или частично, но меры поддержки, сформулированные для бизнеса типа **1** и **4** не навредят и ему, а, напротив, позволят гибко изменить технологию своей деятельности, чтобы отвечать на изменения ситуации на рынке.

Бизнес **категории 3** не заинтересован в увольнении работников, напротив, есть вероятность того, что он будет нанимать новых, чтобы удовлетворить рост спроса. Отраслевую принадлежность таких бизнесов также возможно установить из экспертного опроса с тем, чтобы меры, касающиеся снижения нагрузки арендной платы и обслуживания кредиторской задолженности, не распространялись на него.

Бизнес **категории 4** – это, вероятно, крупные заводы, работающие по долгосрочным контрактам, в том числе государственным. Для них возможно обеспечить соблюдение мер, нацеленных на нераспространение инфекции – использование СИЗ, измерение температуры, дезинфекцию помещений и транспорта работников. Однако опреде-

ленная гибкость в отношении занятости также будет способствовать оптимизации их расходов и выживания в условиях общего сокращения спроса.

Таким образом, набор мер, которые повышают вероятность для бизнеса пережить период экономического кризиса, вызванного коронавирусом, должны включать следующие позиции:

1. Возможность для работодателя с минимальными издержками увольнять сотрудников или переводить их в отпуск без содержания на фиксированный период для всех видов бизнеса и отраслей
2. Отмена и/или снижение арендной платы для бизнеса из отраслей **категории 1**
3. Отсрочка выплат по кредиторской задолженности и заморозка процентных платежей на период эпидемии для бизнеса **категории 1**
4. Создание безопасных условий работы для бизнеса **категории 4**

В свою очередь, зеркальные меры государственной политики, нацеленные на поддержку людей, оказавшихся без работы и дохода в условиях экономического кризиса, должны включать следующие позиции.

Для людей, утративших работу или перешедших в неоплачиваемый отпуск по решению работодателя, необходимо обеспечить:

- Облегченный способ постановки на учет с соответствующей выплатой пособия как минимум на уровне МРОТ. Дополнительные меры поддержки могут включать продуктовые ваучеры.
- Отмена коммунальных платежей.
- Заморозка платежей по кредитам и заморозка накопления процентов по кредитам.

Дополнительные меры для групп риска могут включать денежные трансферты и про-

дуктовые ваучеры для малоимущих семей с детьми и продуктовые пайки для мигрантов (необходимо продумать, как их организовать).

Насколько предложенные Правительством России мероприятия в рамках первого пакета мер поддержки экономики соответствуют цели минимизации издержек бизнеса?

Очевидно, что месяц выходных дней, оплачиваемых работодателем, полностью противоречит идее минимизации издержек бизнеса. Фактически государство в директивном порядке запретило увольнение работников и предложило оплатить им месяц выходных, в том числе и фирмам, доходы которых равны нулю. Предложенный вариант беспроцентного кредита на цели выплаты зарплаты также представляется довольно опасным. Во-первых, для тех, кто возьмет такой кредит, это означает рост кредиторской задолженности без возможности погасить ее в ближайшие месяцы. Кроме того, с фонда оплаты труда работодатель должен начислить налоги в размере, значительно превышающем проценты по кредиту. Прекрасно понимая риски, связанные с такого рода кредитованием, коммерческие банки не склонны выдавать такие кредиты, понимая, что в дальнейшем фирмы с большой вероятностью не смогут их выплатить, даже при нулевой процентной ставке. Данная мера в целом представляется крайне неэффективной, и, кроме всего прочего, позволяющей распространить кризис из реального сектора экономики в банковский.

Проблема с предложенными в рамках данной записки мерами государственной политики состоит в том, что текущее российское трудовое законодательство не позволяет фирмам безболезненно увольнять сотрудников. Увольнение работника по инициативе работодателя обходится

последнему в районе трех среднемесячных окладов сотрудника. Отпуск без содержания по инициативе работодателя также невозможен. То есть, в условиях отсутствия дохода уволить сотрудника низкомаржинальный бизнес фактически не может. Таким образом, текущее трудовое законодательство не дает российскому бизнесу возможности сократить издержки для выживания в условиях полномасштабного кризиса. Не решая проблему с трудовым законодательством, государство оставляет бизнес один на один с кризисом, устранившись от решения давно назревшей проблемы негибкости российского Трудового кодекса.

Проведенный в 2012 году в России опрос представителей бизнеса в рамках проекта Всемирного банка «Деятельность предприятий и бизнес климат» оценивал, среди прочего, сколько «стоят» в терминах издержек производства различные факторы бизнес-климата, в том числе регуляторные практики, для российских предприятий. Трудовое законодательство в этом списке было в тройке лидеров, уступая только коррупции и проблемам лицензирования и разного рода разрешений. В условиях разворачивающегося кризиса есть все основания полагать, что проблема трудового законодательства для российского бизнеса, в первую очередь малого и среднего, может стать наиболее серьезной.

Во многих странах мира институты рынка труда имеют встроенную систему поддержки людей, полностью или частично потерявших работу на короткий период времени. Это позволяет странам сегодня использовать эти механизмы в максимальной степени, чтобы позволить и бизнесу пережить краткосрочное падение спроса, и поддержать безработных. В российской системе трудовых отношений такого механизма нет, создать его полноценно с нуля в короткие сроки не представляется возможным, но в текущих чрезвычайных условиях можно и нужно вводить его основные элементы.

Очевидный вопрос, возникающий при обсуждении мер поддержки, состоит в том, из каких источников государство может финансировать расходы по поддержке бизнеса и населения, потерявшего работу в условиях кризиса. По оценкам разных институтов речь идет об объеме финансирования от 1,5 до 5% ВВП. Одна из обсуждаемых возможностей – взять деньги из средств Фонда национального благосостояния (ФНБ). Я не могу согласиться с этим подходом. Основная задача ФНБ – это сглаживание расходов государства в условиях падения нефтяных цен. Речь идет о сглаживании запланированных расходов. Использование средств ФНБ на финансирование расходов на поддержку экономики в условиях кризиса, вызванного коронавирусом, противоречит самой идее Фонда и подрывает устойчивость системы государственных финансов

в среднесрочной перспективе, особенно на фоне снижения цены на нефть. Классические рекомендации экономической теории – финансирование краткосрочных неожиданных расходов через рост государственного долга – вполне адекватны текущей российской ситуации, тем более что уровень государственного долга страны сегодня минимален.

В завершение хотела бы подчеркнуть, что данная записка не претендует на формулировку глубоко проработанных мер, а скорее, на формулировку подходов к тем мерам, которые будут способствовать минимизации экономических потерь российской реальной экономики в условиях кризиса и наименее безболезненному выходу из него.

МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА ВО ВРЕМЯ КАРАНТИНА *

1 апреля 2020 года

Константин Егоров

Российская экономическая школа

Во время типичной рецессии центральный банк (ЦБ) старается простимулировать экономику и стабилизировать инфляцию. Тем самым он выполняет одну из своих главных задач – сглаживание краткосрочных экономических колебаний. Долгосрочным ростом при этом жертвовать не приходится, потому что монетарная политика обычно просто не может на него повлиять. Сейчас же, во время карантина, вызванного пандемией, цели и возможности Центробанка встают как бы с ног на голову: он почти не может повлиять на краткосрочный спад, а его главной целью становится уменьшение долгосрочного ущерба для экономики.

Как так получается? В условиях, когда большая часть экономической деятельности просто запрещена, снижение процентных ставок не может ее простимулировать. То же и с инфляцией: потребительский спрос вынужденно ограничен в основном продовольственными товарами, так что вряд ли получится убедить людей больше есть с помощью низких процентных ставок. А стабильный спрос, нечувствительный к процентным ставкам, ведет к стабильным

ценам, то есть к стабильной инфляции. Выходит, что и выпуск, и инфляция во время карантина в значительной степени выпадают из-под контроля ЦБ.

Означает ли это, что монетарная политика не способна помочь экономике справиться с кризисом? Помимо экономического спада во время карантина, с большой вероятностью нас ждет очень существенный спад и после его снятия. Если ЦБ мало что может сделать с первым, то, к счастью, он может помочь со вторым. Но сначала разберемся, откуда возьмется падение после карантина.

В идеале нам хотелось бы вернуться на работу так же, как мы возвращаемся после длительных праздников. Но в отличие от праздников, мы не запаслись сбережениями на этот период, а потому многим фирмам может оказаться нечем покрыть свои текущие расходы, и они перестанут существовать. Если на момент снятия карантина будет очень много безработных и мало действующих фирм, может пройти довольно много времени, прежде чем экономика вернется к полной занятости и выпуск восстановится. Опыт мирового финансового

* Автор благодарит Дмитрия Сергеева за полезные обсуждения и комментарии.

кризиса 2008-2009 годов показывает, что на это могут уйти многие годы.

Со снижением таких долгосрочных потерь для экономики и может помочь ЦБ. В первую очередь, с помощью своей роли так называемого кредитора последней инстанции. Одной из главных задач центральных банков является предотвращение финансовых паник. ЦБ выдает займы, принимая в залог надежные, но неликвидные активы. Тем самым он позволяет не банкротиться финансовым компаниям, которые могут расплатиться по своим долгам позже, но не могут отдать их прямо сейчас. То есть так называемым «хорошим» заемщикам, у которых проблемы с ликвидностью, но не с платежеспособностью.

Эта функция ЦБ становится особенно актуальной сейчас. Такой крупный экономический спад как нынешний заставляет многих инвесторов нервничать и пытаться вернуть свои вложения, что без вмешательства ЦБ может привести к финансовой панике. Кризис ликвидности во время карантина только усугубит и без того непростое положение многих компаний и приведет к катастрофическим последствиям. Поэтому **предоставление ликвидности и обеспечение нормального функционирования финансовых рынков** сейчас очень важно.

Помимо этой традиционной функции кредитора последней инстанции на финансовых рынках, сейчас у центральных банков возникает похожая роль в новой, необычной сфере – в реальном секторе. Очень многие предприятия, такие как рестораны или парикмахерские, являлись прибыльными до карантина и, вероятно, будут прибыльными и после него, но во время карантина окажутся неспособными взять кредит или продлить существующий и будут вынуждены объявить банкротство. По сути, они оказываются теми же «хорошими» заемщиками, только не на финансовых рынках, а в реальной экономике.

ЦБ может существенно им помочь, если и не дав им займы напрямую, что запрещено законом в некоторых странах, то снизив процентные ставки, по которым компании занимают. Этого можно добиться самыми разными инструментами. Снижение ключевой ставки повлияет и на ставки, по которым кредитуется частный бизнес. Изменение финансового регулирования может увеличить стимулы банкам выдавать и продлевать кредиты. А в рамках так называемого количественного смягчения ЦБ может купить долги компаний на вторичном рынке и тем самым косвенно улучшить привлекательность инвестирования в них. Чем больше и лучше ЦБ сможет использовать свои инструменты для **помощи неликвидным компаниям из реального сектора**, тем больше банкротств нам удастся избежать, и тем легче нам будет перезапустить экономику после карантина.

К сожалению, кроме «хороших» заемщиков есть и «плохие», у которых проблемы именно с платежеспособностью, а не только с ликвидностью. Так, не каждый ресторан или парикмахерская может позволить себе несколько месяцев платить арендную плату и зарплаты за счет будущей прибыли, которая и в хорошие времена не такая большая. В принципе, если бы под угрозой банкротства было всего лишь несколько неплатежеспособных компаний, то было бы неочевидно, стоит ли их спасать. Все-таки не лучше ли отдать их помещения и ратников тем компаниям, которые смогут окупить свои затраты. Но проблема заключается в том, что компаний, оказавшихся неплатежеспособными в условиях карантина, слишком много, и их банкротство может спровоцировать каскад массовых банкротств. Таким образом, эти компании, хоть и маленькие по отдельности, все вместе становятся как бы слишком большими, чтобы можно было позволить им обанкротиться.

Как правило, выкупом или поглощением убытков частных компаний, пусть и системно значимых, занимается правительство,

а не центральный банк. Ведь это, по сути, трансфер или передача средств от налогоплательщиков к собственникам этих предприятий, то есть часть налоговой политики. В странах, где фискальная политика слишком медленная и не способна быстро принять необходимые меры, **спасение неплатежеспособных компаний** иногда ложится на плечи ЦБ, который оказывается де-факто последним рубежом защиты от системного кризиса.

Если же правительство берет эту задачу на себя, то надлежащей ролью ЦБ становится помощь правительству в привлечении средств. Раз увеличить налоговые поступления в условиях карантина и экономического спада довольно сложно, то для финансирования дополнительных расходов, скорее всего, придется пойти на увеличение госдолга. Здесь ЦБ может помочь правительству точно так же, как он может помочь частным компаниям – с помощью **снижения ставок, по которым занимает правительство**. Как и раньше, тут могут пригодиться все инструменты – от снижения ключевой ставки до количественного смягчения с покупкой государственных облигаций.

Помощь в финансировании государственных расходов особенно важна, потому что дополнительные расходы нужны не только для предотвращения каскада банкротств, но и для таких первостепенных направлений как производство медицинского оборудования и подготовка персонала, а также

социальная помощь наиболее пострадавшим гражданам. Потери всего общества от невыполнения этих задач настолько велики, что некоторые экономисты уже предложили пойти на такой крайний шаг как **финансирование бюджета за счет выпуска новых денег**. Издержки от этого, в том числе и вероятные долгосрочные проблемы для экономики, хорошо известны, и поэтому такая мера обычно рассматривалась среди экономистов как табу. Мало кто хочет заходить так далеко, пока не исчерпаны все другие варианты, но все же это может оказаться лучше, чем полный коллапс экономики и высокая смертность, которых можно избежать.

Подводя итог надо отметить, что во время карантина роль ЦБ по сравнению с правительством естественным образом отходит на второй план, но от этого не становится менее важной. Любой спад, даже самый незначительный, а уж тем более такой глубокий, всеобщий и резкий, как нынешний, может привести к финансовой панике и полному коллапсу экономики. Именно центральный банк может предотвратить кризис ликвидности и обеспечить нормальное функционирование рынков. А правительство хоть и берет на себя главные задачи по спасению экономики, но без поддержки ЦБ оно может быть вынуждено прибегнуть к таким экстренным мерам, как введение военного положения и национализация большой части экономики.

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ И ВИРУС COVID-19

1 апреля 2020 года

Татьяна Михайлова

Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы
и Институт Гайдара

Микеле Валсеки

Российская
экономическая школа

Введение

Италия стала первой европейской страной, столкнувшейся с пандемией COVID-19, и в полной мере ощутила на себе страшные последствия вируса. Мы полагаем, что Россия может извлечь урок из некоторых аспектов итальянского опыта применительно к грядущему распространению коронавируса. В этой небольшой статье мы рассмотрим, как именно коронавирус распространился из Ломбардии (первого пострадавшего итальянского региона) по всей стране.

Ломбардия – экономический центр Италии, подобно Москве в России. Именно поэтому в этом регионе самая высокая доля внутренних мигрантов: сюда на работу съезжают со всей страны. Как правило, эти люди предприимчивы и трудолюбивы, а потому их вклад в благосостояние города очень важен. При этом они нередко оказываются наиболее уязвимой частью городского населения в силу прочных семейных связей с родными регионами и временного характера экономической деятельности, в которую они вовлечены.

Из-за вызванного пандемией экономического кризиса многие внутренние мигранты либо остались без работы, либо попали в ситуацию высокой нестабильности. Удар по системе здравоохранения, из-за которого правительство было вынуждено ввести карантинные меры, поставил этих мигрантов перед перспективой провести недели, если не месяцы, в одиночестве в маленьких квартирах. У них мало средств, чтобы оплатить аренду, а родные и близкие находятся далеко.

В результате многие из них попытаются вернуться в родные города до (или вскоре после) введения запрета на передвижения по стране. К сожалению, отличительная черта вируса COVID-19 – бессимптомное течение болезни у большинства инфицированных. Кроме того, по данным из Исландии и Южной Кореи, где анализы взяли у большой доли населения (на выборке, сформированной случайно или квазислучайно), видно, что самый высокий процент инфицированных зафиксирован в возрастной группе 20–59 лет (Surico & Galeotti 2020). По нашим оценкам, именно к этой возрастной группе

и принадлежит большинство внутренних мигрантов в Ломбардии. Следовательно логично предположить, что как только стал очевиден кризис в экономике и здравоохранении, обратная миграция из Ломбардии сыграла ключевую роль в распространении COVID-19 по всей Италии.

По нашим наблюдениям, у России и Италии есть ряд схожих черт, что позволило нам выдвинуть следующую гипотезу: на характер распространения вируса по территории России окажут влияние факторы, аналогичные итальянским. Подобно Ломбардии в Италии, Москва – экономический центр страны. Сюда съезжаются студенты и трудовые мигранты из всех остальных российских регионов, а крупный рынок создает возможности для бизнеса многих компаний, расположенных по всей стране.

Будучи международным транспортным узлом, Москва стала первым российским регионом, куда занесли коронавирус. Сейчас ключевую роль в его распространении по всей территории страны играют деловые и личные связи между жителями Москвы и их родными регионами.

Из-за экономического коллапса и введения карантина многие жители российской столицы остались без работы. Студенты и наемные сотрудники на временных контрактах постараются вернуться к семьям в родные регионы. Некоторые москвичи использовали объявленные нерабочими дни (с 28 марта по 5 апреля), чтобы навестить родственников. По нашим прогнозам, некоторые из них неизбежно окажутся невольными переносчиками вируса, которые и передадут болезнь своим старшим (а потому более уязвимым) родственникам в родных регионах, а затем и всему своему окружению.

Мы поставили цель определить, какие рос-

сийские регионы в силу своего географического положения и исторически сложившихся потоков миграции вероятнее всего окажутся заражены, когда коронавирус начнет распространяться из Москвы по остальной стране. Безусловно, на начало и развитие локальной эпидемии в каждом конкретном регионе значительное влияние окажут и случайные факторы. Кроме того, регионы, для которых риск заражения оценен как самый высокий, необязательно станут лидерами по числу инфицированных. Однако в целом именно такой сценарий представляется наиболее вероятным.

Во второй части статьи мы приводим данные, позволяющие предположить, что в последние недели в Италии распространение вируса происходило именно по маршрутам обратной миграции. В третьей части мы обращаемся к российскому опыту и рассматриваем, какие регионы представляют внутренние мигранты в Москве и как от этого зависит уязвимость разных регионов России перед COVID-19. В четвертой части подводятся итоги.

Роль обратной миграции в распространении вируса на примере Италии

Первые подтвержденные случаи заражения коронавирусом в Италии были зафиксированы 30 января 2020 года. К концу февраля количество зараженных исчислялось сотнями. К 28 марта в стране насчитывалось уже около 100 тыс. случаев заболевания и более 10 тыс. смертей.

Из-за кризиса системы здравоохранения итальянское правительство пошло на беспрецедентные меры, прежде всего закрыв провинцию Лоди (21 февраля).⁹ Затем площадь закрытых территорий увеличилась, охватив большинство северных регионов (8 марта) с населением численностью 16 млн

⁹ Decreto del presidente del consiglio dei ministri, 22.02.2020

человек. Наконец, 9 марта¹⁰ закрытой зоной была объявлена вся Италия.

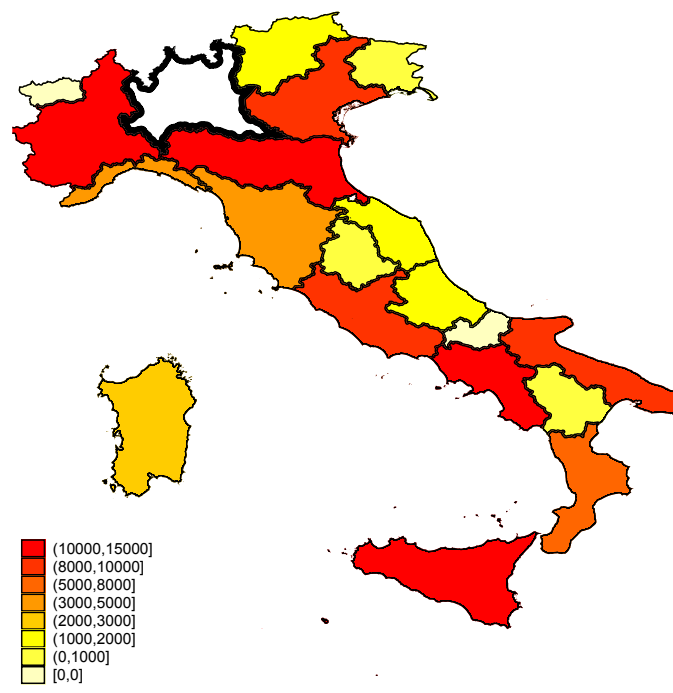
Как только в прессу просочились сообщения о грядущем запрете на передвижение внутри страны (в субботу 7 марта¹¹), появились новости о большом количестве людей, которые ночными поездами разъезжались из Милана по всей Италии, чтобы не попасть под карантинные меры. Многих, однако, обеспокоило, что эти массовые передвижения спровоцируют распространение вируса по всей Италии¹².

Здесь мы приводим предварительные результаты проверки этой гипотезы. Мы исходим из предположения, что покидающие Милан люди – вероятно, внутренние мигранты, которые ранее приехали в этот город ради учебы или работы. Это значит, что чем больше внутренних мигрантов уехало из своего региона в Ломбардию, тем больше людей туда вернется в рамках обратной миграции из Милана 8 марта (или позже), и тем больше в этом регионе впоследствии будет зафиксировано случаев заражения COVID-19.

Мы использовали данные о численности внутренних мигрантов согласно переписи населения 2011 года, в рамках которой задавался вопрос о месте проживания 5 лет назад. При таком подходе можно оценить, насколько каждый регион подвержен обратной миграции из Ломбардии. На Рисунке 1а) показано распределение рисков по итальянским регионам. На карте видно, что нет прямой зависимости между количеством мигрантов, уехавших в Ломбардию, и удаленностью от нее региона. Это важное наблюдение, поскольку существует целый ряд других экономических связей (например, торговых) между Ломбардией и други-

ми регионами Италии, которые с большой вероятностью находятся в линейной зависимости от удаленности.

Количество мигрирующих в Ломбардию по регионам-источникам

Мы измеряем влияние COVID-19 по числу смертей за временной промежуток между 24 февраля и 28 марта.¹³ Отметим, что из-за высокого их числа итальянский опыт особенно иллюстративен для изучения влияния миграции на смертность от коронавируса. Чем выше число смертей от COVID-19, тем больше гетерогенности среди смертности по всем регионам и, следовательно, тем больше статистическая мощность. Это позволяет зафиксировать любое влияние коронавируса.

Теперь рассмотрим соотношение между обратной миграцией в регион и количеством жертв COVID-19.

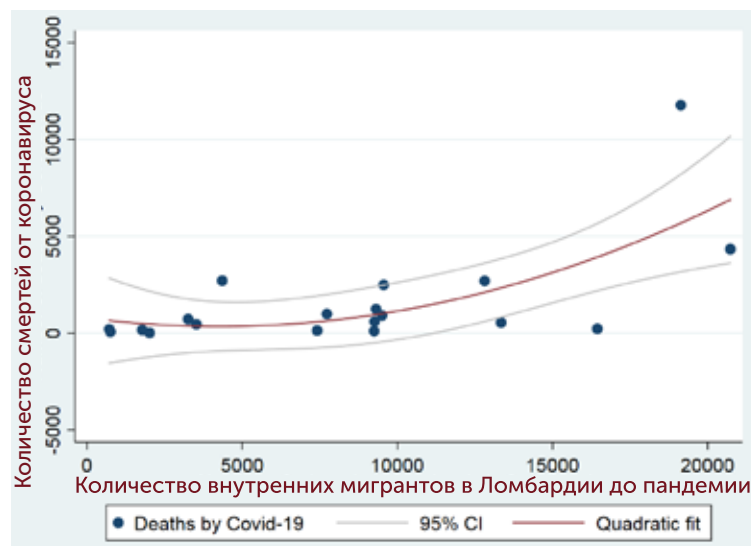
¹⁰ Decreto del presidente del consiglio dei ministri, 09.03.2020

¹¹ Severgnini (08.03.2020). Corriere della Sera

¹² Giuffrida and Tondo (08.03.2020). The Guardian.

¹³ По многим данным, этот параметр представляется более надежным, чем количество инфицированных (Surico and Galeotti, 2020)

На графике показано, что чем выше в регионе показатель обратной миграции, тем больше смертность.

Примечание:

Количество смертей приводится по данным Департамента гражданской обороны Италии; количество мигрантов – по данным Национального института статистики Италии. Количество смертей от коронавируса – кумулятивное число за период 8-28 марта 2020 года.

Отметим, что эта двухмерная корреляция необязательно сигнализирует о причинно-следственной связи. Существует вероятность, что в регионах с большим количеством уехавших в Ломбардию внутренних мигрантов также большое количество и мигрантов внешних, уехавших в другие пострадавшие от эпидемии страны (например, Китай). Наблюдаемый эффект может быть вызван обратной миграцией из этих стран. Кроме того, не исключено, что регионы, из которых мигранты уезжают в Ломбардию, бедны, а поэтому не располагают адекватными ресурсами здравоохранения. Результат, который можно наблюдать на

диаграмме, может быть обусловлен всеми этими факторами.

К влиянию этих факторов мы обращаемся в другом исследовании, над которым ведется работа в настоящее время (Valsecchi, 2020). В нем при анализе данных учитываются внешние факторы, в том числе временное измерение. Предварительные итоги демонстрируют заметный количественный результат: большее количество внутренних мигрантов в Ломбардию соотносится с большим числом смертей от COVID-19.

Количественный результат в данном исследовании отличается от предварительных результатов готовящейся к публикации работы (Valsecchi, 2020). В ней показано, что при увеличении количества мигрантов¹⁴ на 10% число смертей от COVID-19 вырастает на 5%. Немаловажно, что, как мы демонстрируем, этот эффект сохраняется в течение длительного времени: он все еще не ослабел спустя три недели после введения мер строгой самоизоляции. Из этого следует, что данный эффект обладает не только статической, но и экономической значимостью применительно к общей смертности. Еще раз отметим, однако, что это лишь предварительные результаты.

Обратная миграция в России и ее роль в распространении вируса

По состоянию на 31 марта Россия находится на начальной стадии эпидемии. Количество подтвержденных случаев заражения коронавирусом только что превысило 1600. Эпицентром эпидемии COVID-19 стала Москва. В Московской области и Санкт-Петербурге зафиксировано 117 и 97 случаев соответственно, в остальных российских регионах

¹⁴ В данном случае это означает, что количество внутренних мигрантов, уехавших в Ломбардию в период 2006-2011 годов, составило 8 468, так что при увеличении на 10% количество возрастет на 846 человек.

– лишь отдельные единичные случаи (в каждом менее 20, общим числом менее 400). Даже если учесть, что не о всех случаях заражения сообщается, можно сказать, что масштабного распространения вируса среди российского населения в регионах пока не произошло. Тем не менее, мы ожидаем, что в ближайшие недели появятся новые случаи заражения, некоторые из которых будут вызваны незамеченным перемещением инфицированных носителей вируса из Москвы.

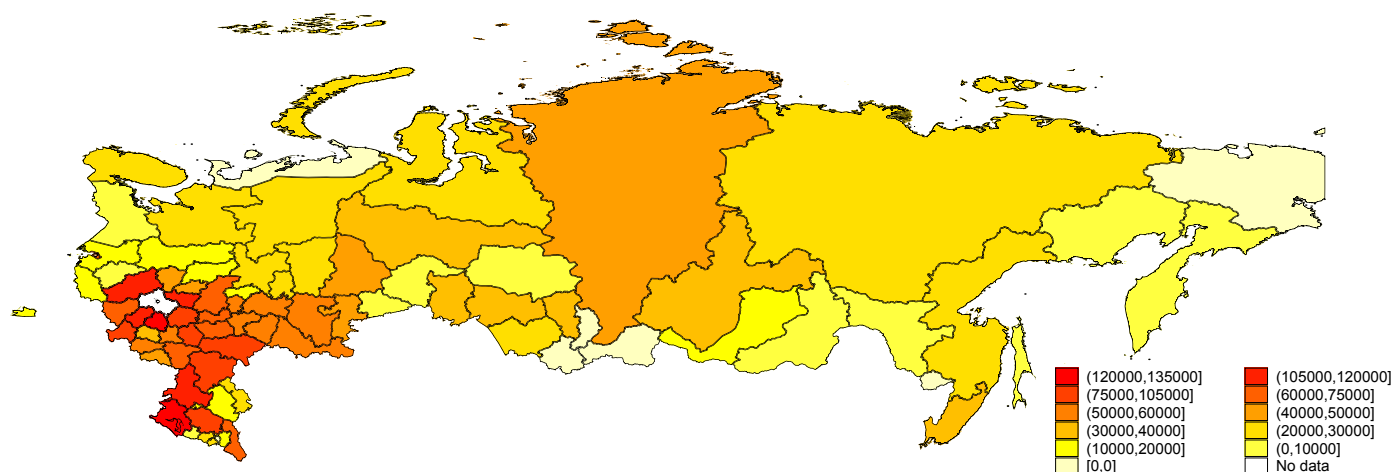
Мы поставили цель предсказать, какие именно российские регионы находятся в зоне риска распространения COVID-19 на основании данных о межрегиональной миграции. Если ситуация будет развиваться по итальянскому сценарию, то быстрее и больше всего случаев заражения возникнет в тех регионах, где у населения выше плотность личных контактов с Москвой. Этот показатель мы измеряли с помощью данных о миграции, принимая во внимание, что она

включает все типы контактов, как семейные, так и деловые.

Мы использовали данные о межрегиональной миграции, предоставленные Федеральной службой государственной статистики (Росстат, 1999-2018).¹⁵ Для каждого региона мы рассчитали кумулятивное число мигрантов в Москву и Московскую область, учтенных Росстатом за 20 лет (1999-2018).¹⁶ В расчетах мы использовали абсолютное число мигрантов, исходя из следующего предположения: вероятность завезти в регион COVID-19 находится в прямой зависимости от числа путешествующих.

На схеме показано, сколько человек мигрировало в Москву или Московскую область из каждого региона в течение последних 20 лет. Отметим, что столица в первую очередь привлекает жителей центральных и южных областей России, а также в меньшей степени Поволжья. Сравнительно мало мигрантов приезжает в Москву из северо-западных регионов: для жителей этих областей альтер-

Количество мигрирующих в Москву / Московскую область по регионам-источникам

¹⁵ Данные о «матрице миграции» не опубликованы, но могут быть предоставлены исследователям по запросу.

¹⁶ Существует альтернативный источник данных – перепись 2010 года (Росстат, 2011), в которой приводится статистика по жителям Москвы и области с информацией о регионе рождения. Количественные результаты идентичны.

нативным центром притяжения выступает Санкт-Петербург. В целом, миграция следует хорошо известной и универсальной модели притяжения: ее интенсивность ослабевает по мере удаления.

В Таблице 1 приведен список из 10 регионов, откуда в Москву за последние 20 лет уехало больше всего мигрантов. Именно для этих регионов выше всего риск стать вторичным эпицентром вспышки COVID-19. В таблице также приводятся количество мигрантов, уехавших в московскую агломерацию, доля возрастного населения и оценка доступных коек в реанимации и аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ).¹⁷

Среди десяти регионов, откуда в Москву приезжает наибольшее количество мигрантов, выделяются две группы. Во-первых, непосредственные соседи. Во-вторых, густонаселенные южные территории: Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Саратовская и Волгоградская области. Важно отметить, что в целом среди населения центральной полосы России выше доля представителей старшего поколения, которые особенно уязвимы перед коронавирусом.

В Италии главной причиной высокой смертности от COVID-19 оказалась нехватка аппаратов ИВЛ. В этой стране в среднем на 100 тыс. человек приходится 12,5 аппаратов

Регион	Уехавшие в Москву мигранты (тыс.чел.)	Доля возрастного населения в 2018 г. (%)	Прогнозируемый пиковый спрос на ИВЛ, чел/аппарат*
Тульская область	140,4	30,6	3,94
Краснодарский край	136,4	26,1	3,96
Тверская область	133,6	29,5	4,54
Ростовская область	132,2	27,1	4,03
Владимирская область	131,3	29,4	2,74
Калужская область	124,8	28,2	7,08
Саратовская область	115,4	27,7	3,29
Рязанская область	110,4	30,3	3,02
Ставропольский край	108,9	24,5	0,8**
Волгоградская область	100,9	27,4	3,52

Примечание:

* Оценка (Кашницкий и Барчук, 2020) для 10-недельного сценария развития эпидемии

** Данные по Ставропольскому краю мы считаем арифметической ошибкой

¹⁷ Прогноз спроса на аппараты ИВЛ приводится по расследованию «Медузы» (Кашницкий и Барчук, 2020). К сожалению, Росстат не опубликовал официальных данных ни о наличии коек в реанимации, ни о медицинском оборудовании.

ИБЛ. В Москве это соотношение составляет 48 аппаратов на 100 тыс. человек. В остальных же российских регионах ситуация хуже: например, в Калужской области, расположенной к юго-западу от Москвы, на 100 тыс. человек приходится лишь 4,8 аппарата ИБЛ. В случае серьезной эпидемии каждый из этих регионов столкнется с острой нехваткой медицинского оборудования. Разумеется, уязвимы и другие регионы в центре и на юге России: у них также сильные связи с Москвой, а запас аппаратов ИБЛ ограничен.

Стоит также отметить, что наравне с путями миграции населения значимую роль в распространении инфекции играют туризм и путешествия как форма досуга. По этой причине высок риск занести вирус через транспортные узлы и курорты Черноморья, включая Крым и Сочи. В этот список также можно внести Санкт-Петербург и Калининградскую область, развитие ситуации в которых стоит тщательно отслеживать.

Урал, Сибирь и Дальний Восток в меньшей степени подвержены риску завезенной из Москвы инфекции по двум причинам. Во-первых, они изолированы от столицы в силу географической удаленности, что естественным образом снижает количество приезжих из столицы. Во-вторых, в восточных регионах отмечается более низкий уровень межрегиональной миграции. Так, согласно данным по обследованию рабочей силы Росстата за 2018 год, по сравнению с западной частью России в Сибири и на Дальнем Востоке в среднем меньше людей выезжают из родного региона ради работы. Видимо, удаленность препятствует любым проявлениям взаимодействия и мобильности населения.

Эти факторы необязательно мешают распространению инфекции, но на их основании все же можно сделать вывод, что восточные регионы России располагают несколько большим временем на подготовку к эпидемии. Разумеется, поскольку Мо-

сква не единственный возможный источник COVID-19, а в распространении вируса всегда есть место случайным факторам, к несчастью, резкий скачок заболеваний возможен в любом регионе, особенно если вирус будет занесен переносчиком, не испытывающим симптомов.

Заключение

Как в Италии, так и в России, распространение COVID-19 началось с экономического центра страны (Милана/Ломбардии и Москвы), где проживает наибольшее количество мигрантов. Благодаря наличию информации о раннем этапе распространения вируса в Италии мы смогли на основании имеющихся данных изучить, может ли направление миграционных потоков в связи с введением карантинных мер объяснить рост смертности от COVID-19 в разных регионах. Предварительные результаты дают утвердительный ответ: 10%-ный рост количества мигрирующих из регионов в эпицентр эпидемии (Ломбардия) соотносится с 5%-процентным ростом числа смертей от COVID-19 в этих регионах. Мы считаем, что эти данные («итальянский урок») могут быть применимы в России для прогнозирования, в каких именно регионах наиболее высок риск распространения коронавируса. Наиболее пострадают регионы, ближе всего расположенные к Москве, а также густонаселенные южные регионы. У Сибири и Дальнего Востока есть больше времени на подготовку к эпидемии. Если в разных регионах она будет выходить на пик не одновременно, власти смогут использовать эти данные при планировании распределения ресурсов здравоохранения и минимизировать смертность.

ЛИТЕРАТУРА:

- **Кашницкий И., Барчук А.**
«Эпидемию коронавируса ждут в больших городах. Но основной удар может прийти на «стареющие» регионы», статья на сайте Meduza.io, 30.03.2020.
- **Giuffrida A., Tondo L.**
“Leaked coronavirus plan to quarantine 16m sparks chaos in Italy”, The Guardian, 08.03.2020.
- **Severgnini Ch.**
“Coronavirus, Conte: “Ecco il decreto con le nuove misure, in vigore fino al 3 aprile”
[Coronavirus, Conte: “Here is the decree with the new measures, in force until April 3”]. Corriere della Sera, 08.03.2020.
- **Surico P., Galeotti A.**
“A user guide to COVID-19”, Vox, 27.03.2020.
- **Valsecchi M.**
“Internal Migration and Covid-19 deaths: Evidence from Italy”, Mimeo, 2020.
- **Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri, 22.02.2020.**
- **Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri, 09.03.2020.**
- Росстат, «Внутрироссийская миграция населения по территориям прибытия и выбытия», 1999-2018.
- Росстат, «Всероссийская перепись населения 2010 года», (2011)
- Росстат, **«Итоги выборочного обследования рабочей силы 2019 года»** (2019).

ЦЕННОСТЬ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И БОРЬБА С ЭПИДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСА

11 апреля 2020 года

Сергей Гурьев

Институт политических исследований
(Sciences Po), Париж

Законы распространения эпидемий хорошо известны: модель SIR (susceptible-infected-recovered) предсказывает, что количество инфицированных сначала быстро растёт, затем рост замедляется, количество вновь выздоровевших начинает превышать количество вновь заболевших, и эпидемия идёт на спад. Главный риск борьбы с эпидемией заключается в том, что на пике заболеваемости может не хватить мощности системы здравоохранения – так что эпидемия приведёт к смертности, которой можно было бы избежать. Модель SIR подсказывает, как именно это можно сделать: надо снизить интенсивность контактов внутри популяции – тогда кривая заболеваемости будет более плоской, пик наступит позже и будет не таким высоким.

Однако карантинные меры, необходимые для «сглаживания» кривой эпидемии дорого обходятся экономике. Например, Barrot et al. (2020) показывают, что шестинедельный карантин снижает годовой ВВП Фран-

ции почти на 6 процентов. Inoue and Todo (2020) оценивают эффект месячного карантина в одном только Токио в 5 процентов годового ВВП всей Японии.

Почему же подавляющее большинство западных стран все же приняли решение ввести карантин? Эти решения отражают консенсус, сложившийся в современном западном обществе с точки зрения ценности человеческой жизни. Целый ряд экономических исследований показывает, что решения в области техники безопасности и снижения смертности в развитых странах принимаются на основании – явной или неявной – оценки человеческой жизни в несколько миллионов долларов. Эта оценка называется ценностью статистической жизни (value of statistical life, VSL).¹ Решения по проектам, которые приводят к снижению смертности, должны быть устроены, в первом приближении, следующим образом: если затраты на проект составляют X , а соответствующее снижение вероятности

¹ В российской литературе используется термин «стоимость статистической жизни» (Зубец и Новиков (2018)). Я считаю такой перевод принципиально неверным, так как подход VSL основан на оценке именно ценности (то есть выгоды от спасения) человеческой жизни.

смертности оценивается в Y процентов, то проект считается выгодным тогда и только тогда, когда $X < Y * VSL$.

Экономические исследователи используют эту логику для того, чтобы рассчитать VSL из данных по реально принимаемым в западном обществе решениям. Если проект осуществляется, значит, лица, принимающие решения, оценивают VSL не ниже, чем X/Y . Если проект не осуществляется – то не выше, чем X/Y . В своем обзоре различных оценок VSL ведущие исследователи в этой области Kniesner and Viscusi (2019) показывают, что ценность статистической жизни в Америке составляет более 10 миллионов долларов, в европейских странах – несколько ниже.²

Эти оценки существенно превышают ВВП на душу населения в течение человеческой жизни. Сегодня производство годового ВВП на душу населения (65 тыс. долларов) на ожидаемую продолжительность жизни (79 лет) в США составляет только 5 млн долларов. Различие между подушевым ВВП в течение жизни и VSL может объясняться двумя факторами. Во-первых, и ВВП, и продолжительность жизни в будущем, скорее всего, будут расти. Например, если предположить, что американец, рожденный сегодня, проживет те же 79 лет, но подушевой ВВП будет расти с темпом 1,5 процента в год, то за время его жизни подушевой ВВП составит уже не 5, а как раз 10 млн долларов (в долларах 2020 года). Если же продолжительность жизни вырастет до 95 лет, то эта оценка составит уже 14 млн. Во-вторых, в современном западном обществе, ценность человеческой жизни – это не только то, что человек производит. Человек приносит дополнительную пользу и своим родственникам, и коллегам, и незнакомым людям. Поэтому каждая смерть обходится

обществу дороже, чем соответствующие потери ВВП.

Оценки VSL позволяют понять, почему западные страны готовы идти на огромные экономические потери вследствие введения карантинных мер. Zingales (2020) провел следующие расчеты. Предположим, что в США будут инфицированы 60-70 процентов жителей – примерно 200 млн человек. Используя данные Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Zingales оценил, что примерно пяти процентам инфицированных (то есть 10 млн человек) потребуются искусственная вентиляция легких. Если в этот момент американская система здравоохранения будет работать в нормальном режиме, то удастся спасти 8,2 млн из них; если будет перегружена – только 1 млн. Таким образом, стратегия жесткого карантина, направленная на «выравнивание кривой», может спасти дополнительные 7,2 млн жизней. Zingales затем пересчитывает оценки стоимости человеческой жизни (Kniesner and Viscusi (2019) в доллары 2020 года и получает 14,5 млн долларов. Так как большинство погибших от коронавируса – это пожилые люди, Зингалес использует общепринятый в США «дисконт» в 37 процентов. Итого выгода от жесткого карантина составляет $14,5 * (1 - 0,37) * 7,2 = 65$ трлн долларов.

65 трлн – это три годовых ВВП США. Поэтому неудивительно, что даже беспрецедентный по размеру пакет помощи в 2 трлн долларов (10 процентов годового ВВП) был быстро принят американским Конгрессом.

Расчеты Zingales основаны на не бесспорных предпосылках. Greenstone and Nigam (2020) используют другие предположения (оценки смертности в отсутствие и при наличии карантина и существенно более низкие оценки VSL пожилых людей) и получают

2. Естественно, существуют и расчеты, учитывающие количество спасенных лет жизни (а не только количество жизней) и даже количество спасенных лет жизни с поправкой на качество жизни (quality-adjusted life years), учитывающие потерю здоровья.

совсем другие суммы. Тем не менее и они оценивают выгоду от карантина в 8 трлн долларов – 40 процентов годового ВВП США. Эта величина по-прежнему существенно превышает все возможные экономические потери.

Можно ли сделать такие оценки для России? Полномасштабных экономических исследований ценности статистической жизни не проводилось (см. обзор в работе Зубец и Новиков (2018)). Сами россияне оценивают стоимость своей жизни менее чем в 100 тыс. долларов (это текущий ВВП на душу населения за всего лишь 9 лет!). Прошлогодний опрос страховой компании «Сбербанк страхование жизни» показал, что россияне считают справедливой оценку 5,8 млн рублей (Сбербанк (2019)). Государство ценит человеческую жизнь еще ниже, выплачивая родственникам погибших от террористических актов, стихийных бедствий или несчастных случаев, как правило, не более 1 млн рублей (Бычкова, 2014).³

Если подставить в расчеты Зингалеса⁴ сумму в 5,8 млн рублей (с поправкой на население России и США), то получится 12 трлн рублей – 11 процентов годового ВВП России. Даже если жесткий карантин приведет к экономическому спаду на 10 процентов, то он все равно выгоден с экономической точки зрения – не говоря уже об этических соображениях.

Критики введения карантина говорят о том, что такие расчеты не учитывают роста смертности вследствие роста безработицы и снижения доходов. Но гипотеза о том, что экономический кризис приводит к росту смертности, пока ничем не подтверждена. Известная работа Case and Deaton (2020) о

«смертях отчаяния» показывает рост смертности в Америке от алкоголя, наркотиков и самоубийств в последние десятилетия примерно на 100 тыс. в год. Этот рост смертности практически полностью обусловлен ростом смертности среди белых мужчин среднего возраста без высшего образования. Case and Deaton действительно объясняют его экономическими причинами (недоступность здравоохранения, потерю рабочих мест вследствие автоматизации и увеличения китайского импорта). Но эти экономические факторы – это долгосрочные тренды, не имеющие отношения к кризису. Case and Deaton показывают, что и рост смертей отчаяния – это долгосрочный тренд и не находят никаких эффектов кризисов и рецессий. Более того, целый ряд работ, начиная с Ruhm (2000), показывает, что если экономический спад и влияет на смертность, то это влияние является отрицательным, а не положительным. Экономисты не обнаружили никакой связи между ростом безработицы во время глобального кризиса 2008-2009 года и ростом смертности (Nguyen and Nguyen (2016)).

С другой стороны, в России экономический кризис, связанный с распадом СССР, сопровождался резким ростом смертности (на 40 процентов в 1990-1994 годах). Но, во-первых, этот кризис был гораздо более глубоким (совокупное падение ВВП составило 40 процентов) и сопровождался распадом государственных институтов, а, во-вторых, существенная часть роста смертности в начале 1990-х объясняется отменой антиалкогольной кампании второй половины 1980-х (которая привела к резкому снижению смертности по отношению к долгосрочному тренду). После того, как в первой

3. Впрочем, Зубец и Новиков (2018) показывают, что в отдельных случаях российское законодательство предусматривает выплаты до 130 тысяч евро (вследствие присоединения России к «Монреальской конвенции» — Международной конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок).

4. Учитывая тяжелое состояние российского здравоохранения и более высокую распространенность хронических заболеваний среди россиян молодого и среднего возраста, имеет смысл использовать именно оценки Зингалеса и ВОЗ, а не более оптимистические оценки Гринстока и Нигама.

половине 1990-х умерли спасенные анти-алкогольной кампанией, смертность вернулась к долгосрочному тренду (который, к сожалению, в постсоветском СССР был растущим). Bhattacharya et al. (2013) показывают, что из 2,1 млн избыточной смертности начала 1990-х, около 1,6 млн объясняются отменой антиалкогольной кампании.

С практической точки зрения расчеты, основанные на VSL, показывают, что выгоды от карантина превосходят обусловленные им экономические потери. Но это не означает, что экономические потери от него нужно принимать как данность. Правительства западных стран, понимают всю болезненность рецессии вследствие карантина и выделяют огромные средства для поддержки экономики и граждан – чтобы сгладить падение производства, доходов и уровня жизни. Как правило, эти программы поддержки (от 10 до 20 процентов ВВП) финансируются за счет государственных заимствований – за них заплатят будущие поколения. Именно так в конце концов и финансировались огромные бюджетные дефициты военного

времени, за них расплачивались послевоенными доходами. Сейчас заимствования особенно привлекательны, так как процентные ставки по государственным облигациям развитых стран беспрецедентно низки.

Возможности российского бюджета устроены совершенно по-другому. С одной стороны, российская экономика находится не в лучшем состоянии – отсутствие реформ, санкции и контрсанкции привели к десятилетию стагнации. Конфронтация с внешним миром резко ограничила доступ к внешним заимствованиям. Цены на нефть находятся на относительно низком уровне. С другой стороны, Россия обладает существенными активами. На 1 апреля 2020 года в Фонде национального благосостояния было накоплено ликвидных средства на сумму 143 млрд долларов – то есть более 11 трлн рублей. Кроме того, у российского государства есть и огромная государственная собственность. Поэтому Россия вполне может позволить себе активную борьбу с эпидемией и спасти сотни тысяч или миллионы жизней.

ЛИТЕРАТУРА:

- **Бычкова М.А.** (2014).
«Состояние и задачи упорядочения выплат компенсаций в связи с потерей жизни». Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 2, стр. 112–133
- **Зубец А.Н., Новиков А.В.** (2018).
«Численная оценка стоимости жизни человека в России и в мире // Финансы: теория и практика» – 2018. – Т.22. – № 4. С. 52–75
- **Сбербанк** (2019)
«Сбербанк выяснил, в какую сумму россияне оценивают «стоимость жизни». Пресс-релиз.
- **Barrot, Jean-Noël, Basile Grassi, and Julien Sauvagnat** (2020).
“Sectoral Effects”, Covid Economics, Issue 3, 10 April 2020
- **Bhattacharya, Jay, Christina Gathmann, and Grant Miller** (2013).
«The Gorbachev Anti-Alcohol Campaign and Russia’s Mortality Crisis», American Economic Journal: Applied Economics, 5 (2): 232–60

- **Case, Anne, and Angus Deaton** (2020).
"Deaths of Despair and the Future of Capitalism", Princeton University Press
- **Greenstone, Michael and Vishan Nigam** (2020).
"Does Social Distancing Matter?" University of Chicago, Becker Friedman Institute for Economics Working Paper No. 2020-26
- **Inoue, Hiroyasu, and Yasuyuki Todo** (2020).
"Lockdowns and Supply Chains", Covid Economics, Issue 2
- **Kniesner, Thomas, and W. Kip Viscusi** (2019).
"The Value of a Statistical Life. Forthcoming", Oxford Research Encyclopedia of Economics and Finance
- **Nguyen, Ha and Huong Nguyen** (2016).
"Unemployment and Mortality: Evidence from the Great Recession", World Bank Policy Research Working Paper No. 7603
- **Ruhm, Christopher** (2000).
"Are Recessions Good For Your Health?", Quarterly Journal of Economics, 115 (2), 617-650
- **Ruhm, Christopher** (2015).
"Recessions, Healthy No More?", Journal of Health Economics 42, 17-28
- **Zingales, Luigi** (2020).
"Captured Western Governments Are Failing the Coronavirus Test",
Promarket, The blog of the Stigler Center at the University of Chicago Booth School of Business

БЕЗУСЛОВНЫЕ ТРАНСФЕРЫ – ОТВЕТ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2020

7 апреля 2020 г

Константин Сонин

Чикагский университет и
НИУ Высшая школа экономики

Полностью масштабы экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса и теми ограничениями экономической деятельности, которые потребовались для борьбы с ним, пока оценить трудно. Однако нет сомнений, что в 2020 году мировую экономику ожидает существенное замедление темпов роста. Российскую экономику ожидает спад: хотя опять-таки масштаб потерь оценить очень сложно – все сценарии, даже самые оптимистичные, указывают на спад в первой половине года. Только чудо может дать такой быстрый рост во второй половине, что экономика восстановится уже в этом году.

Специфика нынешнего кризиса состоит в том, что правительство не будет стараться, как в случае других кризисов, стимулировать совокупный спрос. Остановка экономической деятельности, кроме самой существенной – это цель предпринимаемых мер. В этой ситуации российское правительство должно срочно принять меры для того, чтобы спад был менее глубоким, а последствия для граждан – менее жесткими. Разумная мера в этой ситуации – выплатить каждому гражданину единовременное пособие, например 10 000 рублей в течение

апреля – мая и потом по 10 тысяч летом и осенью 2020 года. В текущих условиях это самый лучший способ таргетировать наименее социально защищенных россиян. Осенью это поддержит совокупный спрос, который страдает от падения цен на нефть и доходов граждан, и облегчит восстановительный рост.

Правильный месседж

Одна из основных сложностей, с которой столкнулись после введения карантина все правительства в мире – это необходимость убедить гражданина в том, что (а) ситуация серьезная в смысле угрозы здоровью – и значит, надо сидеть дома и (б) сильный экономический кризис, развивающийся из-за карантина – имеет фундаментально другую природу. Он не должен быть длинным, не нужно радикально «затягивать пояса» (убивая совокупный спрос в большей, чем необходимо для социального дистанцирования, мере) – нужно одновременно соблюдать дисциплину и оптимизм. Когда правительство делает одноразовый трансфер, оно посылает очень внятный месседж. Мы заботимся лично о каждом гражданине, а не

только о бизнесменах и тем более не об абстрактном «бизнесе». Эта мера - на период кризиса, который надо спокойно пережить.

Цена вопроса (выплата по 10 000 три раза) вполне реалистична. 10 000 рублей каждому россиянину – это примерно 1–1,5 трлн рублей или \$15–20 млрд. Такие деньги (и даже в пять раз большие – т. е. операцию можно будет повторить летом – осенью) есть в ФНБ. Эта сумма только кажется огромной – в борьбе с кризисами 2008–2009 и 2014–2015 годов правительство потратило куда больше. 17 трлн рублей, находящихся в разного рода «зачаках» российского правительства – это деньги, предназначенные на «чёрный день». Если не тратить их сейчас, когда «чёрный день» наступил – тогда не надо было их откладывать в тучные годы.

Правильная организация

Не следует путать одноразовые безусловные трансферы с инструментами поддержания совокупного спроса. Конечно, такие трансферы поддерживают совокупный спрос. Тем не менее основной плюс безусловных трансферов – это то, что они попадают к тем, кому трудно помочь другими способами – снижением налогов, отсрочкой коммунальных платежей, пенсиями, пособиями на детей. Снижение подоходного налога не поможет уволенному официанту или уборщику, водителю, которые потеряли клиентов из-за карантина, или репетиторам, у которых снизился спрос.

Не следует путать безусловные трансферы с «вертолётными деньгами» – давно устаревшей метафорой, описывающей ситуацию, в которой правительство может вывести экономику из кризиса, напечатав деньги и раздав их кому попало («разбросав с вертолёта»). Это довольно сложная метафора, несмотря на кажущуюся простоту. Идея заключается в перемещении экономики из одного, плохого равновесия в другое, хорошее, с помощью совокупного спроса.

Когда концепция придумывалась, во время дискуссий Фридмана и Фелпса полвека назад – это была просто интеллектуальная метафора, потому что ничего похожего на «ловушку ликвидности» (ключевая ставка ноль, экономика стагнирует, и главный вопрос – «как сделать ее ниже нуля?») не было уже сорок лет. До следующей «ловушки» было двадцать лет. Пол Кругман был первым, кто правильно предсказал отсутствие инфляции в США и ЕС во время кризиса 2008–2009 годов, потому что наблюдал до этого как Япония в 1990-е оказалась в этой ловушке. Именно поэтому он оказался совершенно прав, когда в этой ловушке оказались в 2008–2009 году Америка и Европа. Экономика стагнирует, ключевая ставка – ноль, инфляция – почти ноль. «Банки, берите сколько хотите!» – а они не берут.

Но «разбрасывать с вертолёта», оказывается, неэффективно. Из-за того, что для Фридмана и Фелпса «вертолётные деньги» были чистой теорией, они не понимали существенную вещь. Вертолёт не работает, потому что это имеет значение, кому давать деньги! Представьте, что по 10 000 рублей раздали трём людям – малоимущему, человеку среднего достатка и богачке. Малоимущий сразу потратит все 10 000 на еду и другие необходимые предметы. Человек среднего достатка потратит в первую неделю 2 000 из этих 10 000 (у неё и так есть деньги на всё, что нужно). Богачка же вообще не изменит своих трат (она и до этого не ограничивала себя в расходах и эти 10 000 ничего не меняют). То есть не всё равно, кому достались деньги – раздача малоимущим очень эффективна как трансфер денег в экономику, среднему классу – менее эффективна, а богатым – вообще не работает. Именно поэтому «вертолётные деньги» никто в современном мире не предлагает. А безусловные трансферы – лучший способ достучаться до самых малоимущих (в том числе тех, кто не получает пенсий, не зарегистрирован на бирже труда, занят неформально и т.п.). Он самый простой и эф-

фективный и, что важно во время кризиса, самый быстрый.

Казалось бы, контраргументы

Конечно, у одноразового безусловного трансфера есть минусы. Во-первых, это, как любой безусловный доход, перераспределение от тех, кто больше зарабатывает, тем, кто зарабатывает меньше. Если бы это было не одноразовой антикризисной мерой, это снизило бы стимулы к работе у части граждан – и у тех, у кого изымались бы средства, и у тех, кому бы они передавались. Во-вторых, такой трансфер за счет ФНБ потребует изменения – опять-таки в антикризисном порядке – массы нормативов типа бюджетного правила. Тем не менее в 2020 году нужно использовать резервы, которые были до этого собраны. В-третьих, он мог бы в других обстоятельствах вызвать рост цен. Но во время спада инфляционные последствия минимальны.

Есть аргумент более тонкий – одноразовые безусловные выплаты попадут не туда. Во время пандемии больше всего страдают большие города и потери больше всего сосредоточены там; деньги достанутся не самым пострадавшим. Мне эта мысль кажется теоретически интересной, но практически малозначимой. Во-первых, 80-90% россиян живёт в больших или средних городах. Правда ли, что концентрация производств, на которых люди могут сильнее заражаться, выше в столицах, чем, скажем, в городах с крупными заводами? Очевидно, что именно в крупных городах сосредоточены компании или госслужбы, которые с большей лёгкостью могут перейти в онлайн. Но главное, в крупных городах конкретно в России люди живут лучше – у них и так больше денег, они и так лучше защищены от кризиса. Задача безусловных трансферов – обеспечить прожиточный минимум тем людям, которые не покрыты сетью социального обеспечения.

«Одноразовость» – даже если речь идёт про три транша, как в моём предложении – бесспорно необходима. Безусловный трансфер полезен как временная мера по борьбе с кризисом – в противном случае он превращается в «безусловный базовый доход», то есть прогрессивный перераспределительный налог. А вот так ли важна «безусловность» трансфера? В ходе нынешнего кризиса многие страны – США, Австралия, Таиланд, Гонконг, европейские страны – объявили о кризисных трансферах с какой-то границей по уровню доходов, чтобы не субсидировать тех, у кого и так есть деньги. В принципе это правильно: нет смысла в бюджетной кризисной поддержке обеспеченных граждан. В безусловном трансфере привлекательна, прежде всего, простота – пусть 10 процентов «лишних» (обеспеченные) получают деньги, но это сэкономит огромные средства на имплементации проекта.

Польза и простота

Если бы в России уже начался спад, сопровождающийся массовой безработицей, помогло бы смягчение денежной политики. Но массовой безработицы не будет. Отчасти благодаря мерам, принятым после мирового финансового кризиса, в стране выросла занятость в государственном и квазигосударственном секторах. Предприятиям там фактически не разрешено увольнять сотрудников – это значит, что смягчение денежной политики не будет работать. Вся помощь уйдет горстке сверхбогатых владельцев предприятий. Фискальный стимул – увеличение госрасходов – тоже поможет слабо: этот рычаг так сильно использовался в последние годы, что дополнительные расходы стали уже совершенно неэффективны. Можно было бы оказать помощь гражданам через «социальные расходы», но и в этом секторе огромные потери «по пути». Из 10 000 рублей, истраченных на гражданина, скажем, через увеличение финансирования соцподдержки, до конечной по-

лучательницы дойдет в десять раз меньше. При прямом трансфере эффективность будет гораздо выше. Конечно, расходы на здравоохранение нужно тоже увеличить – и пример Гонконга показывает, что это хорошее дополнение к прямому трансферу.

Никаких особенных технических сложностей с таким трансфером не будет – его можно сделать через отделения «Почты России» или Сбербанк, по 10 000 рублей на каждый СНИЛС. Лучше, конечно, как пенсии – электронным переводом на карточку или счёт, чтобы не создавать живых очередей. Достаточно президенту сказать об этой форме борьбы с кризисом по телевизору – и граждане сразу пойдут их получать. (Никакие социальные программы не

работают так быстро). При этом самые богатые – те, для кого 10 000 не деньги, – просто не придут их получать. В данном случае это даже хорошо: как раз малообеспеченные граждане, скорее всего, сразу истратят все полученные деньги: это сделает стимул еще более эффективным. Производители получат деньги от покупателей быстрее, чем через какие-то сложные программы поддержки, и получат из них как раз те, кто лучше и дешевле производит самые нужные товары. Если деньги будут потрачены на запасы спичек и гречки – это тоже плюс. В нынешних российских обстоятельствах прямой однократный трансфер выглядит на редкость качественным и адекватным решением.

COVID-19 И ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО

18 апреля 2020 г

Ольга Кузьмина

Российская экономическая школа

Гендерное неравенство – комплексная проблема, характеризующаяся значительными и устойчивыми различиями в социальных и экономических показателях женщин и мужчин. Это могут быть различия в доступе к образованию и медицине, в участии на рынке труда, уровне зарплаты, в доступе к предпринимательству, участии в политике и государственном управлении, распределении домашнего неоплачиваемого труда внутри семьи. Считается, что уменьшение гендерного неравенства (как и любых других форм неравенства) приводит к увеличению ВВП.

Распространённость и масштаб неравенства в среднем меньше в развитых странах по сравнению с развивающимися, и, хотя в целом есть тенденция к сокращению гендерных разрывов по времени, это не происходит одновременно и одинаково во всех странах. Так по индексу глобального гендерного неравенства (Global Gender Gap Index, 2020) в пятерку стран с наилучшими показателями входят Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция и Никарагуа, а замыкают рейтинг из более чем 150 стран – Конго, Сирия, Пакистан, Ирак и Йемен. Россия в 2020 году находится примерно в середи-

не – на 81-м месте, между Сальвадором и Эфиопией.

В связи с текущей эпидемией вируса COVID-19 и беспрецедентными мерами по введению карантина по всему миру, экономисты задумываются не только о явных глобальных последствиях для мировой экономики, но и о менее явных непрямых эффектах на нее, в том числе через изменения в гендерной составляющей на рынке труда. На примере изучения Второй мировой войны было показано, что даже кратковременные гендерные различия на рынке труда могут иметь долгосрочные последствия (Goldin and Olivetti, 2013). Какими будут последствия данного кризиса на долгосрочный рынок труда, на его гендерную и семейную составляющие? В этой заметке мы рассмотрим потенциальные эффекты эпидемии Covid-19 и карантина, связанного с ней, на гендерное неравенство в России.

Неоднородный эффект на разные сектора экономики

Сейчас экономисты обсуждают два основных канала, которые могут повлиять на гендерное неравенство (Alon et al., 2020). Первый – через отличающиеся у женщин и мужчин риски потери работы и зарплаты в связи с непропорциональным влиянием эпидемии и карантина на сектора с разной занятостью женщин и мужчин. Направленность этого эффекта спрогнозировать не так просто. С одной стороны, сегодняшний кризис отличается от обычных рецессий тем, что сейчас сильнее, чем обычно, страдает сфера услуг, где традиционно занято больше женщин. Но здесь очень важно уточнять, о каких именно услугах речь, ведь не вся российская экономика состоит лишь из ресторанов и салонов красоты. По данным Росстата за 2019 год 49% всех занятых женщин в экономике работали в трех сферах – это торговля, здравоохранение и образование. В то время как гостиницы, предприятия общественного питания и предоставление прочих услуг (к которым как раз и относятся салоны красоты) – обеспечивали меньше 8% занятости женщин.

Поэтому с точки зрения оценки риска потери работы имеет смысл отдельно выделить сектора, имеющие бюджетное финансирование, в которых занятость, скорее всего, сохранится. Из частного же бизнеса, вероятно, меньше пострадают отрасли, которые либо являются критически важными и не прекращают свою деятельность во время карантина (например, торговля продуктами питания, частные медицинские центры), либо характеризуются одновременно возможностью выполнять работу «удаленно» и продолжают иметь достаточный спрос на свои товары/услуги непосредственно или через производственные цепочки (см. также главу Волчковой в этом сборнике). Например, сельское хозяйство, производство и гостиничный бизнес проигрывают по этому критерию финансовой, научной

деятельности, администрированию, некоторым видам онлайн-образования. На уровне индивидуальных же характеристик работника, даже при сравнении одних и тех же профессий, возможность удаленной работы положительно коррелирует с уровнем образования, богатством, работой в компании (а не на себя), женским полом (по данным развивающихся стран, Saltiel, 2020).

По тем же данным Росстата получается, что в «бюджетных» и «удаленных» секторах работало около 49% всех женщин и 40% всех мужчин (или 69% против 52%, если добавить сферу торговли). Такой перекоп вызван, прежде всего, гораздо более высокой занятостью женщин по сравнению с мужчинами в сферах здравоохранения и образования (примерно 4 к 1 в обеих отраслях). В целом это может означать, что риск потери работы сейчас выше для мужчин, а не для женщин, как было предсказано по американским данным Alon et al (2020), учитывая гендерную структуру занятости по отраслям. При этом такая оценка не учитывает разные возможности женщин и мужчин быстро найти новую работу, особенно в сферах повышенного спроса (например, если возросла потребность в курьерах, а ими обычно работают мужчины, то им может быть проще быстро найти работу в случае потери). Но вряд ли такой адаптивный эффект перекроет изначальную разницу, так как количество подобных рабочих мест тоже ограничено.

Эффект от закрытия ДОУ

Второй канал, во многом накладывающийся на первый, действует через неожиданное закрытие детских образовательных учреждений. При этом эффекты могут быть разными в зависимости от состава семьи. Если раньше работающие родители могли отдать своих детей в садик и школу, то сейчас эта возможность полностью отсутствует. В случае с онлайн-образованием, не все дети могут быть абсолютно самостоятельными,

особенно если речь идет о младших школьниках. При этом другая помощь (от нянь, бабушек и других родственников и т.д.) также может быть существенно ограничена из-за самоизоляции, хотя нужно отметить, что Россия в этом плане находится в более выигрышном положении по сравнению со многими развитыми странами, так как бабушки и дедушки традиционно больше помогают в воспитании детей. (Интересно, что в развитых странах, именно возможность аутсорсинга домашних обязанностей – ухода за детьми, уборки и т.д., является одним из важных объясняющих факторов более высокой рождаемости у более образованных женщин по сравнению с менее образованными (Hazan and Zoabi, 2015).

Естественным образом ситуация с закрытыми ДООУ не скажется на эффективности работы людей, не имеющих детей младшего возраста (по данным последней переписи населения 2010 года около 88 млн людей, что составляет около 75% от общего взрослого населения страны, не проживают совместно с детьми младше 18 лет). Также большого негативного эффекта, скорее всего, не будет и на семьи с детьми, где один из родителей (чаще – мать), или другой человек, проживающий вместе (бабушка или дедушка) и до карантина брал на себя полностью уход за ребенком.

Для остальных же семей встает острый вопрос, как совместить уход за детьми в течение рабочего дня с непосредственно работой. Самыми незащищенными категориями населения здесь являются матери и отцы-одиночки (а таких, по данным переписи около 5 и 0,6 млн человек, соответственно), особенно не имеющие помощи со стороны.

Среди семей с маленькими детьми, где оба родителя работают, можно выделить несколько важных факторов. С одной стороны, по данным развитых стран, даже в семьях, где оба родителя работают, женщины тратят больше времени на домашние

обязанности и уход за детьми, чем мужчины (Doepke and Kindermann, 2019). Если считать, что изначальные факторы, которые повлияли на такое распределение домашнего труда (такие как традиционные нормы и ролевые модели или относительный доход супругов) никуда не делись, то резко возросший груз домашних обязанностей еще сильнее ляжет на женщин. Это может привести к уменьшению относительной производительности женщин по сравнению с мужчинами на рынке труда и к большему риску увольнения. В долгосрочном периоде это также может сказаться негативным образом на гендерном неравенстве, так как даже временный выход с рынка труда может сопровождаться потерями человеческого капитала и худшей карьерной траекторией в будущем.

Взаимодействие обоих эффектов

С другой стороны, возможна и обратная ситуация. Если из-за непропорционального эффекта карантина на разные отрасли экономики, который обсуждался выше, женщины имеют меньший риск потери работы, то может сложиться такая ситуация, что, по крайней мере, временно, существенная часть ухода за детьми ляжет на мужчин. Такая ситуация возможна и в семьях, где женщина работает в критически важных отраслях экономики (особенно – в здравоохранении), а мужчина – «удаленно» из дома.

Экономисты выделяют несколько механизмов влияния даже краткосрочного дополнительного взаимодействия отцов с детьми на долгосрочное участие в их воспитании: это и больше информации о нуждах детей, и больший полученный опыт, и большая привязанность к детям. Например, на данных Канады было показано, что введение 5-недельного отпуска по уходу за ребенком для отцов привело к более равномерному распределению домашнего труда в домохозяйствах и большей вероятности участия

матери на рынке труда, даже через 1-3 года после этого (Patnaik, 2019). При этом, даже если таких семей не много, новые социальные нормы могут постепенно распространиться в обществе через так называемые «социальные эффекты». Так Dahl et al (2014), показывают на примере Норвегии, что братья и коллеги мужчин, которые брали отпуск по уходу за ребенком, на 11-15% вероятнее возьмут его в будущем, чем братья и коллеги мужчин, которые такой отпуск не брали.

Другие гипотезы

Еще одно важное последствие эпидемии и карантина – это потенциальный всплеск домашнего и бытового насилия. Так, многие страны уже заметили увеличение таких преступлений (European Parliament, 2020), а некоторые кризисные центры в России сообщили об увеличении звонков на телефоны службы доверия. Экономисты выделяют разные триггеры такого поведения (Peterman et al, 2020). Это и прямые последствия карантина, увеличивающие время нахождения потенциальной жертвы и абьюзера в замкнутом помещении, и невозможность обратиться за помощью, как

психологической, так и медицинской. Непрямые эффекты могут также действовать через увеличение риска депрессии, посттравматического синдрома, хорошо задокументированные для предыдущих эпидемий, таких как SARS и свиной грипп, например из-за потери работы, уменьшения дохода, общей экономической неопределенности или непосредственно боязни заболеть.

Эти эффекты непропорционально сильно воздействуют именно на женщин (и детей), поэтому отдельные ресурсы должны быть направлены на выявление таких преступлений, общее усиление мер поддержки женщин и увеличение доступности вариантов информирования о ситуации, не привлекая внимание абьюзера (например, такая система оповещения может быть установлена в аптеках, куда женщина может выйти в одиночестве).

Экономистам еще только предстоит аккуратно измерить и протестировать все эти механизмы, взаимодействующие друг с другом в сложных комбинациях, но уже сейчас понятно, что возможны очень разные сценарии, в том числе и позитивные – с уменьшением гендерного неравенства.

ЛИТЕРАТУРА:

- **Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., and Tertilt M.**
“The impact of Covid-19 on gender equality”,
Covid Economics, Issue 4, 14 April 2020
- **Dahl G.B., Løken K.V., Mogstad M.**
“Peer Effects in Program Participation”,
American Economic Review 104(7): 2049–2074 (2014)
- **Doepke M. and Kindermann F.**
“Bargaining over Babies: Theory, Evidence, and Policy Implications”,
American Economic Review, 109(9): 3264–3306 (2019)

- **Goldin C. and Olivetti C.**
"Shocking Labor Supply: A Reassessment of the Role of World War II on Women's Labor Supply", American Economic Review, 103(3): 257-262 (2013)
- **Hazan M. and Zoabi H.**
"Do highly educated women choose smaller families?"
 Economic Journal, 125(587): 1191-1226 (2015)
- **Patnaik A.**
"Reserving Time for Daddy: The Consequences of Fathers' Quotas",
 Journal of Labor Economics, 37(4): 1009-1059 (2019)
- **Peterman A., Potts A., O'Donnell M., Thompson K., Shah N., Oertelt-Prigione S., and van Gelder N.**
"Pandemics and Violence Against Women and Children",
 Center for Global Development working paper, 1 April 2020
- **Saltiel F.**
"Who can work from home in developing countries?"
 Covid Economics, Issue 6, 17 April 2020
- **European Parliament**
"COVID-19: Stopping the rise in domestic violence during lockdown",
 Press Release 7 April 2020
- **Росстат**
«Всероссийская перепись населения 2010 года», (2011)
- **Росстат**
«Итоги выборочного обследования рабочей силы 2019 года» (2019)

КОРОНАВИРУС: ВЗГЛЯД НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАЯВЛЕНИЙ

3 апреля 2020 г

Шломо Вебер

Российская экономическая школа

За три месяца, прошедшие с момента первых сообщений о вспышке коронавируса в декабре 2019 года в китайском Ухане, COVID-19 достиг глобального распространения, позволив сделать выводы как об устойчивости отдельных стран к кризису государственного здравоохранения, так и о контурах международных отношений. Страны Северо-Восточной Азии оказались лучше подготовлены к стремительно распространяющемуся вирусу благодаря значительным средствам, вложенным в инфраструктуру общественного здравоохранения после перенесенных ранее пандемий, таких как птичий грипп SARS (2002–2003 годы), свиной грипп H1N1 (2009–2010 годы) и ближневосточный респираторный синдром MERS (2012 год). Как это ни прискорбно, европейские страны и США не сумели замедлить распространение опасной инфекции – как в силу состояния системы здравоохранения, так и из-за неспособности быстро изменить модель поведения населения. По сравнению с ними распространение вируса в России идет относительно медленно, по крайней мере на начальных этапах, и разумная и решительная национальная политика может помочь стране избежать катастро-

фы, которая уже обрушилась на США, Италию, Испанию и Францию.

Наряду с кризисом в системе здравоохранения, самой острой проблемой, стоящей перед российским руководством, стал обвал цен на нефть, который хотя и не был изначально спровоцирован пандемией COVID-19, однако был усугублен внезапным экономическим спадом в мире, вызванным коронавирусом.

Мы утверждаем, что оба события будут иметь далекоидущие последствия для глобальных международных отношений и в связи с этим предлагаем рассмотреть модель будущих отношений России с США и Китаем, сосредоточившись на трех основных моментах.

Во-первых, быстрое распространение смертоносного коронавируса оказало значительное влияние на существующие как сопернические, так и партнерские отношения между странами, наиболее значимыми из которых являются отношения между Китаем, Соединенными Штатами Америки и Россией. Публичные заявления официальных лиц, пытающихся возложить ответственность за кризис на одну из сторон,

позволяют лучше понять современную структуру международной политики. Китай и США пытаются бороться за мировое лидерство, в то время как Россия делает попытки маневрировать между ними, сначала объединившись с Китаем в антиамериканской PR-кампании, а затем обратившись к Соединенным Штатам Америки за материальной поддержкой в прекращении войны цен на нефть, которая началась с провала соглашения ОПЕК+ в марте 2020 года.

В последние годы Китай и США переживают период осложнения отношений, поскольку подъем Китая вызывает озабоченность у Америки, традиционно являющейся лидером на мировой арене. Коронавирус спровоцировал правительства обоих государств на обвинения друг друга в сложившейся ситуации, что может рассматриваться как попытка перенаправить на соперника гнев и обеспокоенность своего населения и укрепить свое собственное международное положение. Президент США Дональд Трамп и госсекретарь Майк Помпео неоднократно называли коронавирус «китайским вирусом» либо «уханьским вирусом», подчеркивая его географическое происхождение. Помпео заявил: «Эта кампания по дезинформации началась, когда мы указали, какая серьезная опасность угрожает не только китайскому народу, но и, как теперь стало понятно, людям по всему миру ... китайское правительство знало об этой угрозе, выявило её. Они были первыми, кто узнал о ней, и они впустую потратили драгоценное время, позволив сотням тысяч людей покинуть Ухань и отправиться в такие места, как Италия, которая сейчас так сильно страдает. Они пытались скрыть эту информацию ... вместо того, чтобы фактически вести работу по подавлению вируса... Коммунистическая партия Китая не справилась с ситуацией и в результате этого подвергла риску множество жизней».

Китайские чиновники ответили тем же, открыто обвинив США в неподготовленно-

сти, а затем развернув дезинформационную кампанию, утверждая, что появление коронавируса – это американский военный заговор против остального мира. Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин отреагировала на высказывания Помпео весьма жестко:

«Мы не намерены оценивать меры борьбы с пандемией, принимаемые другими странами. Но в то время как Китай, по оценкам ВОЗ, зарубежных лидеров, экспертов и СМИ, подал пример всему миру и выиграл драгоценное время ценой огромных усилий и жертв, разве одна конкретная страна сумела в полной мере использовать это выигранное Китаем время и повысить свою собственную готовность? Я думаю, что правительство этой страны очень хорошо знает ответ на данный вопрос, и народ этой страны тоже все понимает...»

Уже прошло немало времени, а кое-кто в США все еще утверждает, что Китай должен нести ответственность за распространение COVID-19 в США. Разве эти люди не чувствуют себя виноватыми? Разве им не стыдно? Они пытаются переложить самую большую вину века на Китай и сделать его козлом отпущения. Однако это невозможно, поскольку вина слишком велика, чтобы ее можно было на кого-то переложить. Извините, это не сработает».

Президент Владимир Путин встал на сторону Китая, возложив первоначальную вину на неготовность Соединенных Штатов Америки противостоять вирусу, и заявил 19 марта своему китайскому коллеге Си Цзиньпину, что «Китай подал пример всему международному сообществу и громко и четко отреагировал на провокацию и стигматизацию со стороны определенной державы», имея в виду США, а также выразил бесконечную признательность «китайскому правительству за принятие эффективных мер не только по сдерживанию распространения вируса в пределах своей страны, но и по содействию охране здоровья и безопасно-

сти людей во всем мире». Помимо неприкрытых обвинений в сторону США, Китай и Россия совместно организовали информационную кампанию на тему происхождения вируса. Как следует из отчета, опубликованного Европейской Службой Внешних Связей, внешнеполитическим ведомством ЕС, Россия и Китай разработали альтернативную версию, согласно которой коронавирус является некой разновидностью американского биологического оружия. «В китайской интерпретации COVID-19 был занесен в Ухань инфицированными военнослужащими США, которые в октябре посетили Всемирные военные игры. Эта версия получила известность благодаря пресс-секретарю министерства иностранных дел КНР Чжао Лицзяню, который опубликовал ретвит статьи, ранее размещенной на монреальском веб-сайте, известном своими пропагандистскими теориями заговора и пророссийской дезинформацией. «Возможно, эпидемию в Ухань принесла американская армия. Ничего не скрывайте! Обнародуйте свои данные! США должны перед нами объясниться!», написал Чжао в другом твите.»

Со своей стороны «российские СМИ распространили аналогичную историю, но уже с местным колоритом, [выдвинув] свои собственные бездоказательные обвинения против правительства США, в соответствии с которыми источником коронавируса является финансируемый США «Исследовательский центр общественного здравоохранения имени Лугара», находящийся в бывшей советской республике Грузия, стране, где Вашингтон и Москва десятилетиями боролись за влияние. «Это пропаганда. Что мы можем сделать?», - заявил директор Центра Паата Имнадзе на новостном веб-сайте Coda Story, базирующемся в столице Грузии Тбилиси. Лаборатория Исследовательского центра фактически отвечает за реализацию мер по борьбе с коронавирусом, принимаемых грузинским правительством».

Укрепление отношений России с Китаем основано на общей заинтересованности в противодействии американскому международному лидерству и возможным эксцессам, связанным с гегемонией США. Именно это в значительной степени определяет собственную внешнюю политику России, что последняя и продемонстрировала, поддерживая Китай, обвинивший США в распространении COVID-19. Тем не менее Россия не может игнорировать экономическую мощь Соединенных Штатов Америки, которые в последние годы стали центральным игроком в мировой добыче и экспорте нефти и газа и, следовательно, прямым конкурентом России, для которой экспорт этих ресурсов является крупнейшим источником доходов. Невозможно не отметить, что COVID-19 продемонстрировал всему миру, насколько сильно сегодня влияние США как нефтедобывающей державы на экономику нефти: это уже не та Америка, которая в 70-х годах прошлого века оказалась практически бессильна перед лицом жесточайшего нефтяного кризиса, разразившегося после введения арабскими странами нефтяного эмбарго против стран, которые поддерживали Израиль в ходе «Войны Судного дня».

Нынешний нефтяной кризис был вызван срывом соглашения «ОПЕК+», в рамках которого Россия и страны ОПЕК во главе с Саудовской Аравией договорились ограничить добычу нефти с целью повышения ее рыночной цены. Эта сделка сорвалась, так как российские лидеры пришли к выводу, что в результате таких совместных действий американские производители сланцевой нефти получают доступ к доле рынка, в данный момент принадлежащей России и ОПЕК. В итоге Россия отказалась от сделки в пользу увеличения собственного производства и последующего использования низких цен для вытеснения с рынка некоторых американских производителей. Однако вскоре после этого COVID-19 обрушил глобальный

совокупный спрос на нефть из-за объявленного во многих странах режима самоизоляции или карантина. Чтобы спасти важнейшую отрасль российской экспортной экономики, Владимир Путин вступил в непосредственное взаимодействие со своим американским коллегой, сначала предложив гуманитарную помощь в виде поставок медицинского оборудования, а затем получив от Дональда Трампа допущение роста цен на бензин в США (политически щекотливая тема для страны с развитой культурой автомобилизма), согласившись на глобальное сокращение производства нефти. Трамп заявил в Твиттере, своем любимом средстве политической коммуникации: «Только что говорил со своим другом, наследным принцем Саудовской Аравии, который говорил с президентом России Путиным. И теперь я ожидаю и надеюсь, что они начнут снова сокращать добычу на 10 млн баррелей в сутки. А может, и больше. Если это случится, то это будет прекрасно для нефтяной и газовой промышленности. Может быть, даже на 15 млн баррелей. Хорошие (ОТЛИЧНЫЕ) новости для всех!»

Готовность Трампа поддержать энергетический сектор России была весьма показательной и продемонстрировала, что, хотя политически Китай и имеет большее значение для России, однако с экономической точки зрения решающую роль по-прежнему играют Соединенные Штаты Америки.

Помимо отношений России, Китая и США, представляется важным кратко обсудить вопрос о международном сотрудничестве (или его отсутствии). Хотя полноценное международное сотрудничество и раньше

зачастую оказывалось труднодостижимо, сегодня подчеркивание странами преобладания национальных интересов над общим благом еще больше ограничивает возможности таких организаций, как G7 и G20, по достижению консенсуса и поддержанию принципов партнерства и координации действий. Сложившаяся ситуация может привести к отказу от глобальной интеграции или как минимум ее замедлению. Так, виртуальная встреча G7 в марте 2020 года не привела даже к принятию совместного заявления, поскольку Дональд Трамп упорно настаивал на использовании в документе понятия «уханьский вирус», а не просто коронавирус. Вряд ли можно утверждать, что COVID-19 сам по себе спровоцировал наблюдаемый в настоящее время отказ от международного сотрудничества, однако коронавирус выявил его последствия: ослабление исключительного лидерства США, обусловленное переходом к многополярности в международных отношениях, значительно упростило для национальных правительств принятие решений по защите интересов собственных стран в ущерб общему благу (например: закрытие границ, торможение процессов глобализации, разрыв цепочек поставок и снижение роли международных организаций).

Коронавирус еще долгие годы будет влиять на структуру международной политики. На фоне продолжающегося противостояния Китая и США и ослабевающего влияния международных структур оптимальным выбором для России будет политика гибкого маневрирования между двумя противоборствующими державами.

ПАДЕНИЕ ЦЕН НА НЕФТЬ, РЕАЛЬНЫЙ ОБМЕННЫЙ КУРС И «ГОЛЛАНДСКАЯ БОЛЕЗНЬ» НАОБОРОТ: ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ РОССИИ

1 апреля 2020 г

Герхард Тевс

Российская экономическая школа

Введение в контекст

В настоящее время Россия столкнулась с двойным вызовом, одновременно пытаясь сдержать распространение коронавируса COVID-19 и обеспечить функционирование своей экономики в условиях падения цен на нефть. Большинство глав в данной книге посвящены экономическим последствиям и возможным мерам по недопущению распространения коронавируса. Очевидно, что на данном этапе приоритетом для руководства страны должна стать именно чрезвычайная ситуация в области здравоохранения и связанный с ней риск экономической депрессии. Только после того, как распространение коронавируса будет надежно взят под контроль, властям необходимо будет вплотную заняться решением проблем, связанных со снижением цен на нефть. В данной главе рассматриваются экономические последствия и потенциальная политика по решению именно этих, более долгосрочных, проблем. Можно утверждать, что падение цены на нефть, которое столь дорого обходится России, может в то же время стать для страны окном возможностей для внедрения изменений, необходимых для снижения зависимости экономи-

ки от природных ресурсов и формирования более широкого и диверсифицированного сектора торговли.

Показательный пример того, как кризис может переориентировать использование страной своего основного экономического ресурса, приводится в книге Джаред Даймонда «Коллапс» (Diamond, 2005). После большого пожара в столице Японии в 17-м веке («Великий пожар годов Мейреки») японское руководство осознало, что стране не хватает древесины. Для скорейшего восстановления столицы потребовалось ее большое количество. Осознание властями проблемы привело к регулированию использования и заготовки древесины, а в дальнейшем и к разработке эффективных инструментов лесопользования. В настоящее время лесами покрыто 67% территории Японии, тогда как в России этот показатель составляет лишь около 50%. Таким образом, можно утверждать, что пожар 1666 года, при всей трагичности данного происшествия, также имел и некоторые положительные последствия, заставив правителей Японии перенаправить усилия на более рациональное пользование лесными ресурсами (Diamond, 2005).

В следующем разделе кратко рассматривается концепция «сырьевого проклятия», а также анализируется текущая ситуация как очередное свидетельство экономической зависимости России от нефти. Далее представлено обсуждение механизмов «голландской болезни» и того, как недавнее снижение реального обменного курса может способствовать конкурентоспособности российских торгуемых товаров на международном рынке. В заключение предлагаются два направления экономической политики, которые могут быть реализованы, как только начнется восстановление после COVID-19¹. Предлагаемые меры призваны обеспечить плавный переход к экономике с более развитыми секторами торгуемых товаров. При этом при отсутствии каких-либо шагов со стороны руководства страны это может занять годы, если не десятилетия.

Сырьевое проклятие

По определению МВФ, страны, у которых на долю невозобновляемых природных ресурсов приходится не менее 20% экспорта или 20% налоговых поступлений, считаются странами, богатыми ресурсами (Venables, 2016). В 2015 году нефть составляла около 40% от общего объема российского экспорта, даже без учета остальных невозобновляемых ресурсов. Более того, государственные доходы от нефти и газа в совокупности составляли значительную часть поступлений в федеральный бюджет 2015 года. Таким образом, есть все основания считать Россию экономикой, богатой нефтью. Казалось бы, наличие у страны доступа к большим объемам дефицитного ресурса само по себе является экономически выгодным. Однако примерно 20 лет назад Сакс и Уорнер (Sachs and Warner, 2001) ввели понятие «сырьевого проклятия». По их

наблюдениям, страны, имеющие большие запасы природных ресурсов в среднем демонстрируют более низкие показатели роста ВВП. И хотя выводы, сделанные Саксом и Уорнером, неоднократно ставились под сомнение, по сей день отсутствует полное понимание причин, по которым богатые природными ресурсами экономики не опережают по темпам экономического роста страны, таковых не имеющие (Ross, 2012).

Тем временем ученые в целом сходятся во мнении относительно трех факторов, приводящих к недостаточной эффективности богатых ресурсами экономик². Во-первых, могут существовать экономические механизмы, способствующие снижению эффективности (например, так называемая «голландская болезнь»). Во-вторых, необходимость взаимодействовать с крупными глобальными нефтяными компаниями и эффективно управлять огромными волатильными поступлениями может стать сложной дорогостоящей задачей для большинства стран. В-третьих, присутствует и негативная политико-экономическая составляющая, проявляющаяся в виде «рентоориентированного поведения», коррупции и вооруженных конфликтов. Несмотря на их сложность, большинство из этих механизмов были тщательно исследованы и описаны. Таким образом, опираясь на эти накопленные знания, страна может получить значительную выгоду от своих природных ресурсов. Именно это, например, удалось сделать Норвегии, которая в результате стала хрестоматийным примером эффективного использования природных ресурсов. К сожалению, во многих богатых ресурсами странах складывается иная ситуация: их экономики впадают в состояние затяжного негативного равновесия, для выхода из которого может потребоваться серьезный экономический шок.

1. Объяснение нецелесообразности более раннего принятия таких мер приводится в Главе Михайловой и Вальсекки.

2. Краткий обзор литературы по теме представлен Вейнблсом (Venables, 2016).

Нефтяной шок

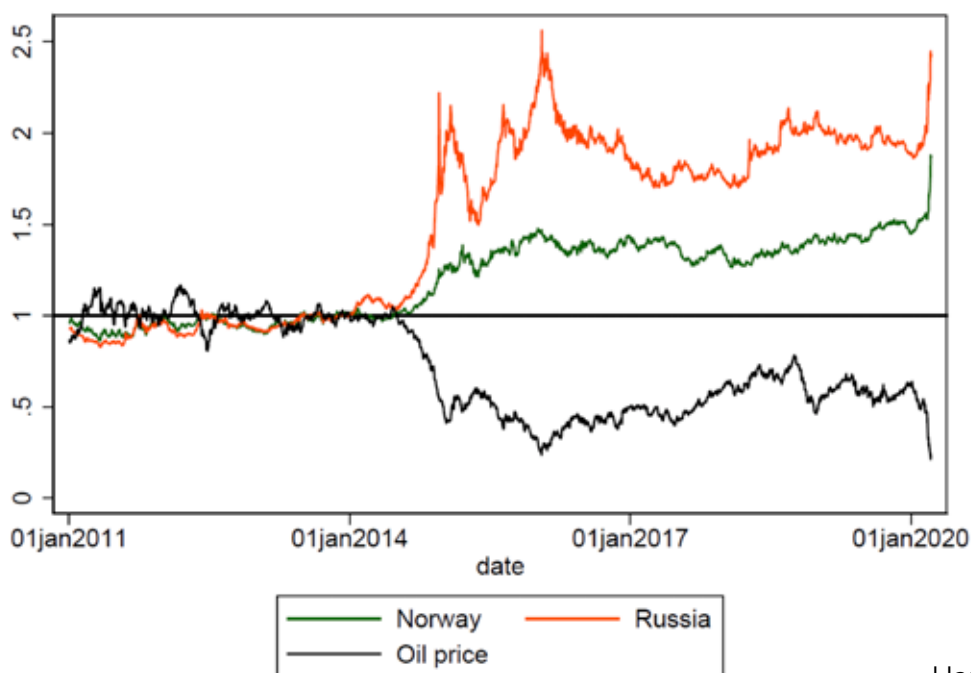
С начала января 2020 года цена на нефть упала с 70 до 20 долларов США за баррель (см. Рисунок ниже). Главным образом это было связано с принятием мер по борьбе с распространением коронавируса, которые привели к значительному падению спроса на грузовые и пассажирские перевозки. В то же время разногласия между Россией и Саудовской Аравией переросли в ценовую войну с применением таких методов, как расширение поставок и предоставление дополнительных скидок. В результате номинальный обменный курс российского рубля резко снизился. Сложившаяся ситуация схожа с предыдущим периодом падения цен на нефть в 2014–2016 годов, также спровоцировавшим снижение обменного курса и, как следствие, стремительное сокращение реальных доходов российских граждан.

Есть основания полагать, что цена на нефть может вновь вырасти, возможно, даже в течение этого года, в связи с прогнозируемым восстановлением спроса до прежнего уровня, а, возможно, и его дальнейшим ростом в краткосрочной перспективе. Тем не менее нельзя не отметить активно предпринимаемые по всему миру меры по отказу от потребления ископаемого топлива, вызванные попыткой справиться с изменением климата. Таким образом, в среднесрочной и долгосрочной перспективе спрос на нефть, вероятно, упадет, и руководству России придется так или иначе приспосабливаться к такому развитию событий. Нынешнее падение обменного курса могло бы стать отправной точкой для смены вектора экономического развития РФ. В свете вышеизложенного представляется полезным кратко рассмотреть механизмы «голландской болезни».

Голландская болезнь

В первую очередь необходимо отметить, что граждане любой страны нуждаются в торгуемых и неторгуемых товарах. Например, торгуемыми товарами можно считать микроволновые печи, мобильные телефоны, телевизоры и ювелирные изделия, в то время как под неторгуемыми товарами понимаются услуги ресторанов, салонов красоты и строительного сектора. В условиях ограниченных трудовых ресурсов и физического капитала в отдельно взятой стране оптимальное количество производимых торгуемых и неторгуемых товаров будет определяться относительными ценами на них. Повышение относительной цены на одну из этих двух групп товаров (например, на неторгуемые товары) приводит к перемещению работников и капитала в сферу производства данной группы товаров.

В богатой природными ресурсами экономике, каковой и является Россия, большая часть ее доходов поступает от экспорта нефти. Для этого не требуется значительных трудовых ресурсов в связи с относительно невысокой трудоемкостью добывающего сектора. Более того, необходимый капитал для добычи нефти зачастую ввозится из-за границы. Таким образом, благоприятные для страны изменения валютного курса, связанные с повышением цены на нефть, могут стать дополнительным источником дохода, не требуя при этом значительного количества локальных ресурсов. В период резкого роста цен на нефть у граждан появляется больше денег на торгуемые и неторгуемые товары. Неторгуемые товары должны производиться внутри страны, в то время как торгуемые товары могут быть импортированы. Это, естественно, приводит к перемещению трудовых ресурсов и капитала в сферу производства неторгуемых товаров, обусловленному повышенным спросом и более высокими ценами на такие товары.

Источник:
Harding et al. (2020)

В свете вышесказанного представляется целесообразным рассмотреть понятие реального обменного курса. Реальный обменный курс измеряет стоимость иностранных товаров по отношению к отечественным товарам, обычно в долларах США. Реальный обменный курс (RER) представляет цену российских товаров по отношению к иностранным товарам, рассчитанную в единой валюте: $RER = S * P / P'$. Индекс цен по конкретной стране складывается из цен на торгуемые и неторгуемые товары. Для простоты понимания предположим, что цены на торгуемые товары в разных странах одинаковы в соответствии с законом единой цены, при этом потребительские корзины также одинаковы. Таким образом, изменения реального обменного курса могут быть обусловлены изменениями цен на неторгуемые товары в России (P), изменениями цен на неторгуемые товары за рубежом (P') или изменениями номинального обменного курса доллара США. Как было указано выше, падение цены на нефть снижает доходы российских граждан и теоретически должно привести к падению относительной цены неторгуемых товаров. Если

предположить, что цены в других странах остаются на прежнем уровне, снижение реального обменного курса в период снижения цен на нефть будет достигнуто за счет совокупности снижения номинального обменного курса, удешевления рубля и снижения цен на неторгуемые товары. Оригинальная модель «голландской болезни» не объясняет, происходит ли это изменение на уровне внутренних цен или номинального обменного курса. Это, вероятно, будет зависеть от преобладающего режима денежно-кредитной политики (Torvik, 2003). При фиксированном обменном курсе увеличение спроса на неторгуемые товары приведет к быстрому росту цен на такие товары. При режиме плавающего обменного курса скачок номинального обменного курса может способствовать изменению реального обменного курса, что и наблюдается в течение последних двух месяцев.

Данная простая модель позволяет сделать следующий вывод: снижение курса рубля, которое наблюдается в последнее время, указывает на дальнейшее расширение российского сектора торгуемых товаров в свя-

зи с возросшей конкурентоспособностью компаний, занимающихся экспортом (своего рода «голландская болезнь» наоборот). И хотя корректировка цен может происходить достаточно быстро, для достижения нового равновесия в перераспределении факторов может потребоваться некоторое время. По некоторым оценкам, для последующего перераспределения 0,5% внутренних трудовых ресурсов из сектора торгуемых товаров в сферу услуг после 10-процентного прироста ВВП за счет доходов от нефти может потребоваться до 10 лет (Harding, Stefanski and Toews, 2020). Очевидно, столь существенный срок связан с тем, что смена работниками сферы деятельности не происходит мгновенно. Таким образом, дальнейшее обсуждение будет сосредоточено на этом переходном периоде, при этом особое внимание будет уделено двум простым мерам, которые могут способствовать ускорению перехода, а также более быстрому восстановлению экономики после обуздания коронавируса COVID-19. Поскольку ожидаемое падение спроса на неторгуемые товары, скорее всего, затронет преимущественно работников, находящихся в нижней части шкалы распределения доходов (таксисты, официанты, парикмахеры и т. д.), быстрое перераспределение трудовых ресурсов приобретает особую значимость.

Экономический переход и рынок труда

А. Развитие экспорта: транспортная составляющая

Чтобы компании, желающие экспортировать товары, могли получить прибыль от снижения реального обменного курса, они, очевидно, должны находиться в условиях, способствующих этому. Для этого требуется как минимум наличие достаточно качественных автомобильных, железнодорожных и водных путей. Безусловно, выявление

и эффективное устранение препятствий, ограничивающих экспортные возможности компаний, может оказаться нелегкой задачей. В одной из недавно опубликованных работ (De Haas and Poelhekke, 2019) авторы анализируют инфраструктурные ограничения во время локальных экономических бумов на постсоветском пространстве, а также в странах Восточной Европы, в том числе и в России, опираясь на данные из Исследования делового климата (BEEPS). Ниже приводится основанное на данных из того же источника сравнение России с другими странами по доле фирм, для которых проблемы транспортировки могут стать ощутимым или даже труднопреодолимым препятствием. Данные, приводимые в таблице, показывают, что доля российских фирм, сообщающих о значительных проблемах транспортировки, составляет 20%, что в два раза больше, чем в других обследованных странах.

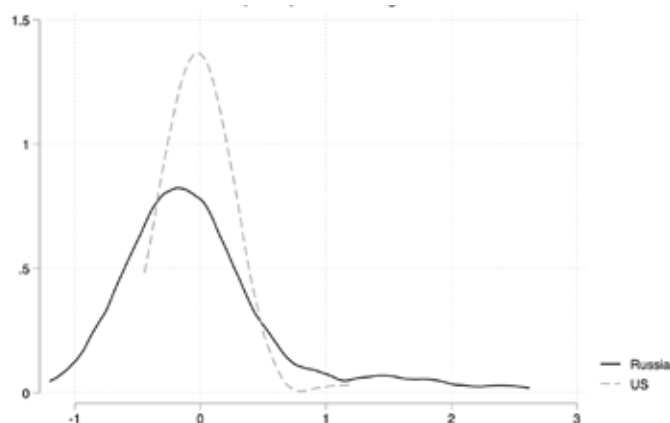
	Россия	Другие страны
Ощутимое/ труднопреодолимое препятствие	20%	10%
Таковым не является	80%	90%

Источник:
собственные расчеты
на основе данных BEEPS

Такое временное увеличение государственных расходов на транспортную инфраструктуру соответствует традиционным рекомендациям экономистов во время рецессии. Таким образом, повышение расходов на строительные проекты могло бы совпасть с периодом отрицательного спроса в секторе неторгуемых товаров и смягчить

его последствия для работников затронутых отраслей (если цена на нефть останется на своем нынешнем уровне). В конечном итоге для таких работников переезд в другие регионы и получение работы, пусть даже и временной, в строительном секторе может стать реальным решением проблемы трудоустройства.

ВВП на душу населения по регионам

Б. Перераспределение трудовых ресурсов

Описанная выше статическая модель предполагает мгновенное перераспределение рабочей силы между секторами торгуемых и неторгуемых товаров. В действительности для того, чтобы конкретные фирмы и работники нашли друг друга, требуется время. Более того, модель не имеет пространственного измерения, а ведь именно пространственный фактор может значительно усугубить проблему в реальности. Обрушение сектора неторгуемых товаров может произойти в одном городе, в то время как расширяющийся сектор торгуемых товаров будет переживать всплеск активности в другом. Фактически в стране, сопоставимой по территории с Россией, существенным препятствием, вероятно, станут большие расстояния. Например, Новосибирск обладает богатым человеческим капиталом, и многие его жители могли бы стать идеальными кандидатами на вакансии, открывающиеся

в Москве. Тем не менее они могут отказаться от подходящей вакансии из-за финансовых ограничений: путешествие в столицу поездом или самолетом может потребовать значительных временных и/или денежных затрат. Более того, стоимость проживания в Москве даже в течение короткого периода времени может быть довольно высокой.

Невозможность обеспечить приток конкретных работников в нуждающиеся именно в них компании может иметь самые серьезные последствия. Допустим, в одном из регионов страны есть только фирмы по производству торгуемых товаров, тогда как в другом регионе преобладают предприятия сферы услуг, при этом в обоих регионах наблюдается снижение зарплат. Текущее понижение обменного курса повысило потенциальную прибыльность сектора торгуемых товаров, и предприятия сектора заинтересованы в расширении своего производства. Если они не смогут расширить производство из-за нехватки подходящих работников, их «доход на человека» в рублях будет довольно высоким, поскольку при продаже за рубеж они будут получать гораздо больше рублей за одну единицу экспорта. С другой стороны, как обсуждалось выше, падение дохода может привести к снижению спроса на неторгуемые товары и, следовательно, к понижению цен на такие товары. Таким образом, доход в расчете на одного человека в рублях в этих регионах снизится. В идеале следовало бы переместить некоторых работников из регионов, производящих неторгуемые товары, в регион, производящий торгуемые товары, и увеличить таким образом общие доходы. Это должно оказать положительный эффект, поскольку экономика в целом выиграет от перемещения одного работника в регион, где производятся торгуемые товары, в то время как потеряет она от этого перемещения относительно немного. В принципе, подобную политику следовало бы продолжать до тех пор, пока доход на человека в различных регионах не достигнет сопоставимого уровня, и работ-

никам станет непринципиально, где жить и работать. При этом нежелание или неспособность граждан переезжать в отдаленные регионы ради трудоустройства может в итоге привести к утрате описанных выше выгод.

Для России это может стать большей проблемой, чем для других стран, о чем свидетельствует распределение ВВП на душу населения по регионам в России и США в 2015 году (см. Рисунок выше,). Но Рисунок построен логарифм ВВП, и распределение центрировано вокруг нуля в России и США. Основной вывод заключается в том, что распределение российского ВВП на душу населения гораздо дальше отстает от нуля по сравнению с США. Очевидно, что разница может быть обусловлена многими факторами. Тем не менее есть основания предполагать, что одним из источников этого различия может быть неоптимальное по сравнению с США распределение трудовых ресурсов по территории России.

Таким образом, можно утверждать, что для повышения производительности сектора торгуемых товаров российскому правительству было бы целесообразно создать программу субсидирования с целью снижения транспортных расходов населения, связанных с трудоустройством. Это можно сделать посредством компенсации транс-

портных расходов гражданам, активно ищущим работу. В качестве альтернативы такие субсидии могут оказываться фирмам, предоставляющим авиабилеты и жилье наиболее перспективным кандидатам из отдаленных российских регионов. В долгосрочной перспективе такое перераспределение работников, вероятно, облегчит доступ компаний к наиболее подходящим кандидатам, одновременно сократив время поиска работы для граждан, а также повысит эффективность территориального распределения трудовых ресурсов и, следовательно, увеличит общую производительность труда.³

Заключение

Падение цены на нефть уже привело к значительному обеднению россиян. Однако российская экономика может столкнуться с намного более серьезными проблемами, когда в мире начнется снижение спроса на нефть и газ, что неизбежно случится при сохранении общей тенденции к сокращению потребления ископаемого топлива. Таким образом, несмотря на тяжесть текущей ситуации, она может быть использована для переориентации российской экономики в сторону развития сектора торгуемых товаров.

ЛИТЕРАТУРА:

- **De Haas, Ralph, and Steven Poelhekke.** «Mining matters: Natural resource extraction and firm-level constraints», Journal of International Economics 117 (2019): 109-124
- **Diamond, Jared.** **Collapse: How societies choose to fail or succeed.** Penguin, 2005

3. See Hsieh and Moretti (2019) for an example of spatial misallocation of labor in the US.

- **Harding, Torfinn, Radoslaw Radek Stefanski, and Gerhard Toews.**
«Boom goes the price: Giant resource discoveries and real exchange rate appreciation»
forthcoming Economic Journal, (2020)
- **Hsieh, Chang-Tai, and Enrico Moretti.**
«Housing constraints and spatial misallocation»
American Economic Journal: Macroeconomics 11, no. 2 (2019): 1-39
- **Torvik, Ragnar.**
«The real exchange rate and phasing in of oil revenues» (2003)
- **Ross, Michael L.**
The oil curse: How petroleum wealth shapes the development of nations.
Princeton University Press, 2013
- **Sachs, Jeffrey D., and Andrew M. Warner.**
«The curse of natural resources»
European economic review 45, no. 4-6 (2001): 827-838
- **Venables, Anthony J.**
«Using natural resources for development: why has it proven so difficult?»
Journal of Economic Perspectives 30, no. 1 (2016): 161-84

ЛЮБОВЬ (И ДИСКРИМИНАЦИЯ) ВО ВРЕМЯ COVID-19

3 апреля 2020 г

Дуглас Кэмпбелл

Российская экономическая школа

Аннотация

В данной статье авторы обращаются к менее серьезным аспектам пандемии коронавируса. Обобщаются результаты проведенных ранее исследований о влиянии пандемии на рынок онлайн-знакомств и дискриминацию в условиях экономики совместного потребления. Мы проверяем несколько гипотез: (1) люди из регионов, сильно пострадавших от пандемии, столкнутся с дискриминацией как на рынке знакомств, так и при пользовании услугами в условиях экономики совместного потребления; (2) население в целом станет с большим недоверием относиться к людям из других регионов; (3) из-за пандемии коронавируса могут возникнуть и сохраниться на длительный срок предубеждения против представителей регионов, первыми принявшими на себя удар пандемии, в частности, против жителей г. Ухань и людей азиатского происхождения в целом. С помощью скриптов Python в приложении Tinder и на сайте Airbnb авторы исследования собрали панельные данные, демонстрирующие, как пандемия коронавируса влияет на пользовательские предпочтения на этих двух рынках.

Введение

В мире бушует пандемия коронавируса, а разработать политические меры по борьбе с ней оперативно не получается. В это время самым важным вопросом становится то, какие шаги предпринять правительствам, чтобы сдержать распространение вируса, при этом максимально смягчив удар по экономике. Если отвечать кратко, то нужно бросить значительные ресурсы на обеспечение повсеместной доступности анализов, производство средств индивидуальной защиты и респираторов в беспрецедентно крупном масштабе. Кроме того, одновременно приходится предпринять быющие по экономике меры, необходимые для ограничения распространения вируса и недопущения ситуации, когда система здравоохранения не справляется с чрезмерной нагрузкой. Хотя главной задачей остается борьба со смертностью, возникает и много других интересных вопросов, в частности о перспективах в сфере рождаемости.

Таким образом, мы поставили цель исследовать, какое влияние пандемия коронавируса оказала на приложение Tinder и сайт по аренде недвижимости Airbnb. Tinder об-

легчает поиск пары на рынке онлайн-знакомств, а с помощью Airbnb люди могут сдать свое жилье в аренду на краткий срок. Мы проверяем влияние пандемии коронавируса на пользовательские предпочтения на этих двух рынках. В последнее время начали появляться сведения, что по всему миру люди азиатского происхождения становятся жертвами преступлений на почве расовой ненависти. Однако все еще неизвестно, идет ли речь о случайных, точечных инцидентах или же о закономерности? Носят ли изменения в отношении к людям азиатского происхождения и иностранцам в целом системный характер?

Эксперимент в приложении Tinder

До пандемии коронавируса в нашем совместном исследовании с профессором РЭШ Евгением Яковлевым был проведен эксперимент. В его ходе было создано большое число пользовательских профилей под разными именами и с разными географическим положением (россияне из Москвы, немцы/французы, россияне из других регионов, жители Дагестана), а также с равным количеством мужских и женских фотографий. Затем в произвольном порядке делались «свайпы». Пользователи приложения Tinder при виде фотографии потенциального кандидата для знакомства могут провести пальцем по фото — на внутреннем сленге приложения, «свайпнуть» — вправо (отметить потенциально удачное совпадение) или влево (отметить как неудачное и отказаться от дальнейшего установления контакта). Если оба пользователя «свайпнули» друг друга вправо, это квалифицируется как удачное совпадение. Поскольку нами использовались одинаковые фотографии, мы объясняем различия в количестве удачных совпадений различиями сопроводительного текста. Полученные результаты неудивительны: в Москве самыми популярными кандидатами оказались профили москвичей (уровень удачных совпаде-

ний среди мужчин составил 18%), россияне не из Москвы (уровень удачных совпадений среди мужчин из Воронежа составил 16%), из Украины (12%), Франции/Германии (10%), а профили из Дагестана получили относительно малое число совпадений (6%). Уровень совпадений среди женских профилей составил 44% против 11% среди мужских, причем для женских профилей прослеживаются те же закономерности, что и для мужских. Тем не менее полученные результаты имеют лишь пограничную статистическую значимость, что означает необходимость дальнейших исследований.

В ходе эксперимента мы сравнили и уровень популярности в Tinder китайцев из г. Ухань, из Гонконга, а также людей азиатского происхождения из Москвы и Нью-Йорка. В Нью-Йорке, к сожалению, приложение заблокировало несколько наших ботов, но на данный момент нам удалось сравнить данные по мужчинам-азиатам из Уханя и Гонконга. Мы обнаружили, что среди мужчин-азиатов из Уханя уровень удачных совпадений составляет 2% против 3% среди кандидатов из Гонконга. В Москве эксперимент показал уровень удачных совпадений 3% среди мужских профилей из Уханя против 3,8% среди мужчин из Токио (при этом использовались одинаковые фотографии). Каждый профиль «свайпали» 500 раз. Женские профили из Токио также пользовались немного большей популярностью (уровень удачных совпадений составил 32%), чем из Уханя (29% удачных совпадений). В наших планах провести эксперимент в большем числе городов по всему миру, поскольку в России город Ухань может быть менее узнаваем, чем в других странах, в силу того что пандемия в России распространяется с относительным отставанием.

Эксперимент на сайте Airbnb

В рамках совместного исследования с профессором Евгением Яковлевым были созданы фиктивные профили путешественников под разными именами из разных географических локаций. Затем от их имени были разосланы запросы на бронирование жилья случайным арендаторам. В результате 87% арендаторов по всему миру ответили на запрос согласием. Однако среди потенциальных клиентов из китайского города Ухань этот показатель оказался значительно ниже и составил лишь 45%. С похожими трудностями столкнулись и «итальянцы». Так, в Сиднее австралийские арендаторы соглашались принять путешественников из Лондона в 97% случаев, а из Милана лишь в 63%. В ходе эксперимента мы также обнаружили, что с начала пандемии возрос уровень положительных ответов на запросы бронирования от сограждан арендатора, в то время как уровень положительных ответов иностранцам, наоборот, снизился.

Заключение

Предварительные результаты наших полевых экспериментов в условиях экономики совместного потребления подтверждают, что вирус оказал заметное воздействие на психологическое состояние людей, а также на соотношение уровня внутригруппового фаворитизма и дефаворитизма. Мы ожидаем, что пандемия коронавируса в долгосрочной перспективе повлияет на то, как люди по всему миру воспринимают китайцев и людей азиатского происхождения в целом. Кроме того, собранные нами данные подтверждают, что представители разных культур, возможно, станут меньше доверять друг другу, поскольку страх перед коронавирусом заставляет с подозрением относиться к неизвестному. Результаты нашего исследования совпадают с недавними сообщениями о росте числа преступлений на почве расовой ненависти против азиатов по всему миру. Тем не менее, чтобы дать более точные ответы на поставленные вопросы, требуется продолжать исследования.

NewEconomicSchool

Яндекс Дзен

Российская экономическая школа
121353, Москва, Сколковское шоссе, дом 45
телефон: +7 (495) 956-95-08
www.nes.ru